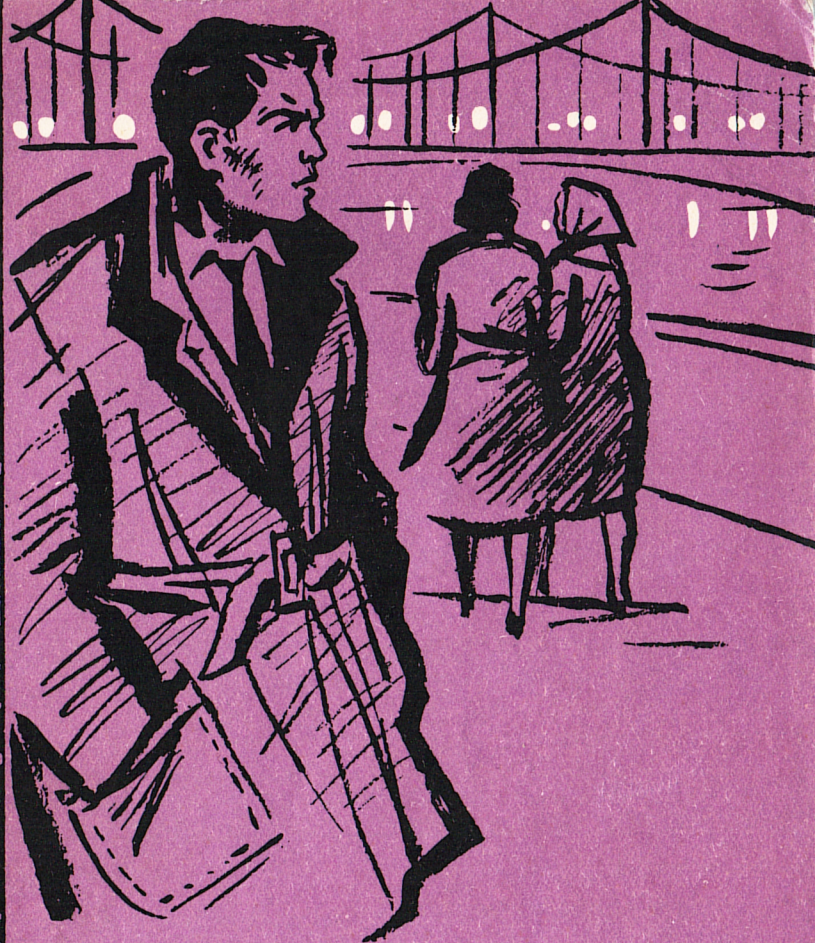

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

ГЕОРГИЙ КОЧАРОВ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ВАДИМА
ДРОНОВА

ГЕОРГИЙ КОЧАРОВ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ
ВАДИМА
ДРОНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1962

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ РОСТОВЩИКА РЯБИНУШКИНА

Делец Тарковский признался в преступлении полностью. Да, он действительно занимался частнопредпринимательской деятельностью по производству «антикварных» ваз и похоронных урн; да, он делал деньги из воздуха, обманывал государство и многих граждан. Не хотел Тарковский говорить только одного: где взял шестьдесят тысяч рублей, которые на первый раз понадобились ему для широко поставленного «дела».

— Александр Иванович! — отвечал он неизменно старшему следователю Колосову. — Я прошу вас об этом меня не спрашивать. Слово, что я их не крал.

— Но согласитесь, Тарковский, мне трудно поверить этому слову. Надеюсь, вы не забыли, как полторы недели тому назад давали слово, что сами разрисовывали свои урны. Однако рисунки оказались лишь ловко изготовленными переводными картинками. Потом вы

давали слово, что у вас никогда не было дачи, а их оказалось две, потом...

— Вы правы, Александр Иванович, мне трудно верить, но на этот раз я говорю правду. Да, и инженер Левин, если угодно, подтвердит.

— Кто, кто? — переспросил Колосов. Он впервые слышал эту фамилию.

Тарковский смутился.

— Кажется, я сболтнул лишнее. В общем, Александр Иванович, я сказал правду. Деньги мною получены честно, но от человека, не совсем честного. Я не раз у него брал крупные суммы. Он, видите ли, ростовщик-профессионал.

Колосов искренне удивился.

— Ростовщик? Неужели эти типы еще есть?

— Есть, Александр Иванович. Ведь есть же до сих пор частники-предприниматели, — и Тарковский, невольно улыбнувшись, кивнул на постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, в котором он именно так именовался.

— Есть, — еще раз повторил Тарковский, — а этот экземпляр какой-то особенный...

И Тарковский рассказал все, что знал о ростовщике Рябинушкине.

— А кто же все-таки Левин? — спросил Колосов.

— Ах, да. Левин — мой знакомый по дому, инженер. В тот день, когда Рябинушкин дал мне шестьдесят тысяч, отобрав расписку, что я ему должен уплатить через год за какие-то краски сто тысяч, Левин тоже был. Он закладывал одну золотую десятку. При нем Матвей Матвеевич, так Рябинушкина зовут, взял с меня слово, что я никогда и никому ничего не скажу о наших делах. Поэтому я и не говорил вам раньше.

Так почти случайно возникло дело о крупнейшем ростовщике Рябинушкине, едва ли не последнем представителе этого гнусного промысла.

* * *

Ежедневно на Зацепский рынок приходил пожилой человек, чтобы купить несколько картофелин и пол-литра молока. Его хорошо знали приезжавшие на рынок колхозники. Их удивлял не странный вид ежеднев-

ного посетителя, круглый год в любую погоду не снимавшего шапки и стоптанных валенок, к этому уже привыкли, а его страсть торговаться из-за каждой копейки.

Несчастный вид этого покупателя неизменно вызывал жалость у продавцов, и, как только он приближался, ему сбавляли цену. Но все равно начинался торг.

Некоторых эта манера торговаться возмущала: уж слишком мелочным был старик; другие, наоборот, сочувственно относились к нему, нищему и, очевидно, забытому и родными, и близкими.

Но никто, конечно, не догадывался, что покупатель этого скудного рациона ворочал сотнями тысяч рублей. Это и был Матвей Матвеевич Рябинушкин.

Колосов уже многое знал о Рябинушкине. Знал, что он занялся ростовщичеством еще в 1913 году, когда начинал свою карьеру мелким служащим частного банка; знал, что тот за долгие годы обобрал не одного доверчивого человека, обращавшегося к нему в трудную минуту; знал, что Рябинушкин ссужал крупные суммы дельцам и спекулянтам и что, обладая значительными средствами, жил впроголодь.

Никаких других интересов в жизни Рябинушкина, кроме стремления к наживе, кроме слепой жажды золота, драгоценностей и денег, не было.

Зная все это, Колосов несколько не удивился, увидев перед собой небритого, неопрятно одетого человека в стоптанных валенках. Не удивила его и убогая обстановка комнаты.

— Ознакомьтесь, Рябинушкин, с постановлением об обыске, — спокойно сказал Колосов. — Разъясняю вам, что обыска можно избежать, если вы добровольно выдадите все имеющиеся у вас ценности и деньги, которые нажиты ростовщичеством.

Рябинушкин внимательно прочитал постановление и, отвернувшись в угол комнаты, стал мелко креститься.

— Как перед богом, говорю вам, гражданин главный следователь, — забубнил он в сторону икон, — нищим живу который десяток лет. Какие у меня ценности, какие деньги!? Господь свидетель, что и мясо-то последний раз ел не помню когда. А что касается ростовщичества, то это против веры...

— Прекратите, Рябинушкин, эту комедию. Я знаю, что вы не едите мяса, и знаю многое другое. Выдадите ценности добровольно... или начинать обыск?

— Ищите, — ответил Рябинушкин, разведя руками. — Я нищ, — и вновь начал креститься.

Обыск заканчивался. У Рябинушкина не оказалось ни денег, ни ценностей, ни расписок.

«Что-то я не так сделал, — подумал Колосов, — что-то не так. Но ведь не может быть, что все эти люди мне сказали неправду».

И Колосов решил продолжать обыск.

На этот раз, подходя к какому-нибудь предмету, он внимательно следил за выражением лица Рябинушкина. Оно оставалось равнодушным, пока Колосов не взял в руки старую меховую шапку. В какое-то мгновение Рябинушкин дернулся к шапке, и это не ускользнуло от внимания Колосова. Он стал рассматривать шапку. Она, казалось, ничем не отличалась от многих других шапок, только разве тем, что была слишком засалена. Но это только казалось...

— А вы, Матвей Матвеевич, как видно, недурно шить умеете, — заметил Колосов, показывая на аккуратно подшитую подкладку.

— Только вот ведь какое дело. Шапка у вас старая: лет ей, небось, двадцать, а нитки свежие, крепкие. Таких на старых шапках не бывает. Не теми нитками подшивали. Может, вспорете подкладку? Впрочем, лучше уж я сам: у вас руки трясутся, еще поранитесь.

За подкладкой лежали аккуратно завернутые в небольшие шелковые лоскутки прозрачные, ослепительно засверкавшие на свету граненые камни. На каждом лоскутке стояла цифра.

— Учет у вас, Рябинушкин, поставлен неплохо, — сказал Колосов. — Четыре бриллианта по 5 каратов, три — по 6 и пять — по 8. Так я понял эти цифры? Рябинушкин молчал.

А еще через две минуты понятые с изумлением смотрели, как Колосов извлекал из-под стелек огромных стоптанных валенок Рябинушкина сотенные купюры. Их оказалось свыше четырехсот.

«Как я раньше обо всем этом не подумал, — сетовал на себя Колосов, заканчивая писать протокол, — ведь можно было догадаться, что не только из-за скупости

Рябинушкин ходил круглый год в валенках и старой меховой шапке...».

Но все же результатами обыска Колосов был доволен. Он не нашел ни золотой десятки инженера Левина, ни многих ценностей, которые называли Колосову свидетели, заложившие эти вещи ростовщику. А вещей этих было на несколько сот тысяч рублей.

На допросе в прокуратуре, постепенно обретая дар речи, Рябинушкин, поминутно крестясь, уверял Колосова, что и деньги, и бриллианты его кровные.

— Всю жизнь копил гроши для того, чтобы купить эти камни. Такая уж у меня страсть к ним, — утверждал он, а затем клялся и божился, что никогда в жизни никому не давал денег под проценты и не брал ничего в залог.

— Все это наветы моих неизвестных врагов, — причитал Рябинушкин. — По миру хотят меня пустить. Отдайте, Христом-богом прошу... Отдайте камушки... Всю жизнь я в них вложил, ради них нищим жил.

И жалок, и гадок был этот ханжа, протягивавший к Колосову трясущиеся руки, жалка и омерзительна была вся его жизнь стяжателя.

Колосов твердо был уверен, что остальные ценности он где-то прячет. Но где?

На очных ставках Рябинушкин все отрицал. Ни одному свидетелю не удалось убедить его сказать правду.

— Ничего не знаю, — говорил он односложно. — Никаких вещей в залог не брал и денег никому под проценты не давал.

«Нет, — подумал Колосов, — этого очными ставками не возьмешь, они могут подействовать на того, кто сохранил совесть. Ему же совесть заменили стяжательство и жадность... Жадность, — задумчиво повторил Колосов, вспоминая протягивавшиеся к нему трясущиеся руки ростовщика. — Этот будет цепляться за каждую золотую безделицу до конца. До конца... Придется пойти на хитрость».

* * *

— Как же вы решились на это? — спрашивал его к концу дня прокурор. — Я не могу одобрить ваших

действий, ведь это обман. Обман или нет? — строго спросил Колосова прокурор.

— Возможно, это и обман, Алексей Николаевич, но другого пути я не нашел, да ведь и Рябинушкин долго меня обманывал.

— Ничего себе довод. Надеюсь, что ничего подобного я от вас больше никогда не услышу. А сейчас расскажите мне все сначала и поподробнее. Посмотрим, так ли безвыходно было ваше положение.

Прокурор откинулся на спинку кресла и приготовился слушать.

— После того, как у Рябинушкина были найдены бриллианты и деньги, — начал Колосов, — я твердо убедился в том, что свидетели говорили правду. Рябинушкин — крупный ростовщик. Но если это так, то где же многочисленные ценные вещи, которые ему закладывали, где расписки, которые он отбирал, давая деньги под большие проценты. И ценности, и расписки нужно было найти, иначе изобличение Рябинушкина в ростовщичестве представлялось затруднительным. Дома у Рябинушкина, как я уже вам говорил, мы произвели самый тщательный обыск. От нас ничего бы не укрылось. Там нет ни ценностей, ни расписок. Значит, они на стороне, но как узнать, где именно? Я попытался выяснить, не мог ли он хранить вещи у кого-нибудь из родни. Но оказалось, что Рябинушкин уже много лет назад порвал связи со всеми родственниками, а двух своих сыновей проклял и выгнал из дома еще во времена нэпа за то, что они отказались помогать ему в грязных финансовых комбинациях, а хотели учиться и честно работать. Единственно, кто изредка его навещал, — дочь Екатерина. Ей он позволял раз в несколько месяцев убирать комнату. Знакомств у него никаких не было. Его все терпеть не могли за ханжество, а сосед по квартире просто чурался, подозревая в скупке краденого. Рябинушкин жаден до последней степени. Вы не представляете, как он смотрел на свои бриллианты! Вряд ли он мог доверять ценности кому-либо. Но все-таки они у кого-то находятся... и если это так, то Рябинушкин — я в этом глубоко убежден — не отказался бы ни от одной золотой безделушки, ни от одного камня.

— Тогда-то вы и решились на свой эксперимент? — перебил прокурор.

— Да, Алексей Николаевич. Оставив Рябинушкина у себя в кабинете, я ушел, заверив его, что ценности все равно найду. Через три часа я вернулся и сказал Рябинушкину, что он может идти, так как все в порядке. Он спросил, что значит «все в порядке».

— Это значит, что я нашел ваши ценности.

Услышав от меня такие слова, Рябинушкин сразу же заявил, что они изъяты незаконно, так как принадлежат лично ему. Не выдержал: алчность подвела.

— Но ведь вы еще несколько часов назад говорили, что у вас нет никаких ценных вещей, — сказал я.

— Да, говорил. Жалко мне было свои вещи, потому и говорил. Но раз вы нашли, то что ж... Правда-то все равно моя. Мои вещи, все мои.

— И часы золотые карманные с тремя крышками ваши?

— И часы мои.

— И жемчужное ожерелье ваше?

— И оно мое.

— Я, — продолжал Колосов свой рассказ прокурору, — знал наверняка примерно двадцать наименований ценных вещей, которые Рябинушкин получил еще в этом году. Реализовать он их, конечно, не успел, так как установленные им самим сроки выкупа этих вещей истекли лишь в течение последних двух недель. Поэтому я продолжал задавать вопросы в том же духе. Какую бы вещь я ни называл Рябинушкину, он утверждал, что она его кровная. И вот, Алексей Николаевич, итог этого допроса — список ценностей Рябинушкина, который он составил и подписал. Но где эти ценности, я не знаю. А ведь здесь их на полмиллиона.

— И все-таки, Александр Иванович, вы поступили неправильно. Прибегать к подобным приемам допроса вам больше никогда не рекомендую. А сейчас нужно как-то исправлять положение, пригласите ко мне Рябинушкина.

Медленно шаркая валенками, вошел в кабинет Рябинушкин.

Предложив ему сесть, прокурор спросил:

— Вы утверждаете, Рябинушкин, что все эти вещи принадлежат вам, — прокурор показал глазами на длинный список.

— Да, госп... гражданин прокурор. Истинный крест. Мои они, мои... Всю жизнь собирал, нищим жил.

— Значит ваши? А кто же может это подтвердить?

— Да Катя же, у которой их взяли. Катерина моя. Она подтвердит.

— Хорошо, — ответил прокурор. — Допросим вашу Екатерину. А сейчас выйдите и подождите.

Когда за Рябинушкиным закрылась дверь, прокурор спросил Колосова:

— Теперь вы, конечно, поняли, как должны были избежать обмана? Следовало глубже поинтересоваться, почему из всей родни Рябинушкин допускал к себе только дочь. А вы вместо этого пустились на рискованные эксперименты. Ну, ладно. Пусть это будет уроком. А сейчас немедленно — к Екатерине Рябинушкиной, — добавил прокурор. — Желаю успеха.

* * *

И это был, конечно, успех. Екатерина Рябинушкина выдала аккуратно по списку своего отца все ценности. Кроме того, у Рябинушкиной было найдено несколько расписок, в числе которых была и расписка Тарковского, а также семьдесят шесть золотых десятков царской чеканки.

Все ценности и расписки, как рассказала Екатерина, она хранила по просьбе отца, который, кроме нее, никому не доверял. Колосов вновь допросил Рябинушкина.

— Скажите, Рябинушкин, почему вы ничего не рассказывали о золотых десятках? Ведь они тоже хранились у дочери. Они ваши?

— Мои, десятки мои. Еще в старое время собирал, из жалования откладывал на черный день. Да и чего собрал-то: всего 100 штук.

— А вы точно помните, что их было 100? — спросил Колосов.

— Как же не помнить: я каждую свою вещь помню...

«Интересно, — подумал Колосов, — но я их изъяс только 76. Где же 24?»

Екатерина на этот вопрос не ответила.

— Сколько было, столько и есть, я их не считала, — заявила она.

Но на очной ставке между отцом и дочерью случилось нечто неожиданное.

Услышав показания отца, Рябинушкина вдруг упала на колени и запричитала:

— Папа, прости меня...

— Бог тебя простит, Катя, — ответил Рябинушкин. — Что случилось?

— Помнишь, папа, я тебе зимой приносила десятки, говорила, что знакомый дьякон их продает по дешевке, а ты их брал и перепродавал. Помнишь?

— Помню, Катя.

— Это были твои десятки...

Так кончился этот день. Он был поистине черным днем ростовщика Рябинушкина, который потерял не только все, что нажил своим нечистым промыслом, но и веру в дочь...

БЛАГОДАРНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕЙ ГЛЕБОВОЙ

Когда Колосов вошел по вызову прокурора, тот привстал и тепло пожал ему руку.

— Поздравляю, Александр Иванович, прокурор республики объявил вам в приказе благодарность за дело Рябинушкина.

— Спасибо, Алексей Николаевич. Только в деле ничего особенного не было. Да и замечание я от вас получил по поводу допроса Рябинушкина. Помните?

— Помню. И замечание правильное, и благодарность правильная. Ведь и так бывает. — Ну, а как у вас, Александр Иванович, обстоит дело с возмещением ущерба артели «Прогресс»?

— Потихоньку прогрессирует, — ответил Колосов. — 180 тысяч наличными и примерно на столько же ценностей уже изъято.

— Это неплохо. Только, судя по размаху хищений, я думаю, что у этих жуликов кое-что осталось.

— Безусловно. Но я постараюсь у них и эти «остатки снять». Некоторые наметки у меня есть.

Прокурор над чем-то задумался. Постучав карандашом по зеленому сукну стола, он сказал:

— А в общем, Александр Иванович, если во все дела заглянуть, мы еще плохо возмещаем государству ущерб. Плохо. Но по-моему еще хуже обстоит дело с возмещением ущерба гражданам, потерпевшим от преступлений. Над этим еще никто как следует не задумывался. А жалы! Утвердил я тут вчера обвинительное заключение по одному делу. Шайка воров совершила восемь квартирных краж. Восемь! А что возвратили потерпевшим? Ведь смешно даже говорить: одному потерпевшему комнатные туфли! А мало ли подобных, с позволения сказать, возмещений? Да вот далеко ходить не надо. Сегодня из милиции поступило дело. Преступление раскрыто отлично — в сутки. Преступники под видом работников «Мосэнерго» вошли в квартиру гражданки Глебовой. Угрожая ножом, забрали четыре тысячи денег и на восемнадцать тысяч ценных вещей. На следующий же день их задержали, а ни одной вещи Глебовой, ни одной копейки не нашли. Ну, осудят их, а Глебовой ведь не намного легче. Кто вернет ей трудовые сбережения, вещи?

Колосов внимательно слушал прокурора и полностью с ним соглашался. Из собственной практики он знал, что полное возмещение ущерба потерпевшим — это счастливый случай.

Почти неожиданно для самого себя он сказал:

— Алексей Николаевич, если не возражаете, разрешите мне закончить это дело. Посмотрю, возможно, не все сделано для поисков вещей.

— Ну, что ж. Не возражаю. Может быть, вам не только прокурор республики, но и Глебова благодарность объявит. Благодарность потерпевших тоже великое дело для следователя.

* * *

Дело Лобачева и Журкина было не из сложных. Инженер Елена Михайловна Глебова занимала со своей дочерью, студенткой, однокомнатную квартиру в одном из новых домов на Первомайской улице. Утром 1 апреля

в квартиру позвонили. На вопрос «кто» ответили: из «Мосэнерго».

Как только она открыла дверь, в коридор вошел молодой человек лет двадцати пяти. Он вытащил из кармана нож и коротко сказал Глебовой: «С первым апреля, гражданочка. Если пикнешь — будет хуже. Где деньги?».

Ошеломленная женщина вытащила деньги, приготовленные для покупки шубы, и вручила грабителю. Буквально через минуту в квартиру еще раз позвонили. «Два звонка. Кто бы это мог быть? — подумала Глебова. — Не выручат ли меня?»

Но, увы. Вопреки ее ожиданиям, неизвестный сам спокойно открыл дверь. Кто вошел она не видела: ее заставили отвернуться, но слышала как первый сказал вновь вошедшему, чтобы он шел в комнату и собирал «барахло» и какие-то «рыжие вещи». Что они называли «рыжими вещами», Глебова поняла позднее, когда обнаружила, что в числе взятых грабителями ценностей была ее золотая брошь, обручальное кольцо и золотые часы дочери...

Минут через двадцать второй из преступников, которого она так и не видела в лицо, ушел, а первый оставался еще некоторое время. Затем и он оставил квартиру, предупредив, чтобы она во избежание неприятностей в течение часа никуда не выходила.

Но как только дверь за преступником закрылась, Глебова позвонила в милицию. Оперативная группа немедленно выехала к ней на квартиру.

При осмотре места происшествия было изъято только одно вещественное доказательство — полированная шкапулка, в которой Глебова хранила мелкие безделушки и золотые вещи. На шкапулке был отлично виден четкий пальцевый отпечаток.

Сразу же после осмотра работники московской милиции приступили к поискам грабителей. А уже на следующий день один из участковых уполномоченных задержал у пивной палатки некоего Лобачева, которого отлично знал, так как тот уже дважды судился и отбывал наказания за кражи.

Наметанному глазу участкового показалось, что в кармане у Лобачева оружие. И он не ошибся. В кармане был финский нож.

Но Лобачев был не один. Он распивал пиво с незнакомым участковому парнем, с которым о чем-то беседовал. Этому парню — фамилия его была Журкин — участковый тоже предложил пройти в милицию.

Дальше дело развернулось следующим образом. Лобачева предъявили для опознания Глебовой в числе еще нескольких человек. Она моментально указала на него как на того из преступников, который вошел в квартиру первым и угрожал ей ножом.

Опознала она и нож, изъятый у Лобачева.

На очной ставке с Глебовой Лобачев признал, что участвовал в ограблении ее квартиры. Своим соучастником он назвал некоего «Дятла». Деньги они поделили и пропили, а вещи он поручил «Дятлу» продать.

Что же касается Журкина, то его он не знал и впервые увидел около пивной палатки, где их вместе задержали...

Журкин категорически отрицал и участие в преступлении, и знакомство с Лобачевым.

Однако виновность Журкина доказывалась отнюдь не только тем, что они вместе распивали пиво. Алиби, заявленное им, было опровергнуто, а экспертиза установила, что отпечаток на полированной шкатулке Глебовой оставлен указательным пальцем Журкина.

Для того чтобы предать Лобачева и Журкина суду, доказательств было достаточно. Но доказательства эти ничего не говорили о том, где могли находиться деньги и вещи Глебовой. С целью обнаружения вещей, подробное описание которых Глебова представила в распоряжение следствия, Колосов совместно с работниками милиции разработал детальный план поисков. Затем он приступил к допросам арестованных.

Допрос Лобачева ничего не дал. Он клялся и божился, что не знает, где вещи, проклинал мифического «Дятла», который, по его мнению, воспользовавшись тем, что он, Лобачев, «загремел», скрылся куда-то с вещами.

Вор-рецидивист, видимо, привык разыгрывать подобные спектакли, и менее опытному следователю его поведение могло бы показаться искренним. Но Колосов отлично знал цену этой божбе и проклятьям.

— Не разыгрывайте простачка, — сказал он Лобачеву. — Ваш «Дятел» никакого отношения к делу не

имеет, если он даже существует. Вот ознакомьтесь с заключением экспертизы. Она установила, что пальцевый отпечаток на шкатулке Глебовой, в которой рылся ваш соучастник, оставлен Журкиным.

Лобачев охотно ознакомился с заключением эксперта и внимательно осмотрел фотоснимки, приложенные к акту.

«Сейчас скажет правду», — решил Колосов.

Но этого не случилось.

— Экспертиза правильная. Покажите ее, гражданин следователь, Журкину, может, он вам что и скажет. Я его в дело путать не буду.

Но Журкин ничего другого, кроме того, что показал на первом допросе, говорить не желал. Ранее Журкин никогда не судился. Очевидно, его втянул в преступления Лобачев, который и проинструктировал своего ученика, как нужно вести себя в случае ареста. И Журкин продолжал настаивать на своих заученных показаниях.

— Поймите, Журкин, — убеждал его Колосов, — вы отрицаете свою причастность к преступлению вопреки очевидным фактам. Я уже не говорю о том, что вас задержали вместе с Лобачевым и он признает свое участие в преступлении. Не говорю и о ложности вашего заявления, что 1 апреля вы мылись в Семеновских банях: на ваше несчастье именно 1 апреля в этих банях был санитарный день. На месте происшествия обнаружили отпечаток вашего указательного пальца. Это ведь бесспорно свидетельствует, что в квартире с Лобачевым были именно вы. Неужели вы этого не понимаете?

— Подумаешь, нашли отпечаток пальца. Мало ли бывает таких отпечатков. Почему он мой? — отвечал Журкин.

Начиналось все сначала, но результат не менялся.

* * *

«А в самом деле, — раздумывал Колосов после очередного допроса Журкина, — он ведь может и не понимать значения этого доказательства. Не объяснить ли ему как следует?»

На другой день Колосов пришел в тюрьму с стопкой книг. Журкин, которого привели на допрос, немало был

удивлен, увидев на столе следователя не хорошо знакомое «дело», а аккуратно разложенные книги.

Искоса рассматривая непонятные заголовки «Криминалистика», «Дактилоскопия», «Идентификация», он, вероятно, полагал, что следователь приготовил какой-нибудь хитрый подвох. Но Колосов и не думал готовить ему подвоха. Он лишь организовал для Журкина небольшое занятие по криминалистике. Роль преподавателя в этом занятии выглядела внешне очень скромной. Колосов отметил в книгах некоторые места и внимательно наблюдал за выражением лица Журкина, читавшего отчеркнутые страницы.

Сначала Журкин читал с недоверчивой ухмылкой. Но, по мере того как таяли страницы, он становился все более серьезным и сосредоточенным. Прервал он чтение лишь один раз для того, чтобы бросить беглый взгляд на кончики своих пальцев... А еще через несколько минут, вычитав в объемистом руководстве Локара фразу: «В мире нет двух людей с одинаковыми отпечатками пальцев», Журкин резким движением руки отодвинул от себя все книги и сказал:

— Было дело. И не одно. Расскажу обо всех, а то все равно какие-нибудь другие книги принесете.

И Журкин чистосердечно рассказал о своих преступлениях.

С чего началось? Уволили с завода за прогул. Болтался без дела и однажды в Измайловском парке познакомился с Лобачевым. Тот очень сочувственно отнесся к беде Журкина, пригласил его в ресторан, угощал за свой счет. На завтра все повторилось. А на третий день за графином водки рецидивист стал обрабатывать новичка: вначале осторожно, а по мере того как графин пустел, смелее. Он расхваливал Журкину прелести воровской жизни, известные ему будто бы от каких-то верных людей.

Как только Журкин, к тому времени изрядно захмелевший, стал ему поддакивать, Лобачев сказал: «А давай и мы попробуем».

Они «попробовали»: сняли с девушки часы. Продали и целый день пропьянствовали. Потом Лобачев признался, что он уже давно занимается кражами и два раза сидел в колонии.

— Мне колония — дом родной, — говорил он хвастливо, — а ты держись за меня: со мной нигде не пропадешь, даже там. Царь колонии вор. — И там живем...

Еще через несколько дней они, отжав дверь, совершили кражу из квартиры на одной из Парковых улиц. Взяли много носильных вещей и отнесли их какому-то старику, у которого распивали водку. Ушли оттуда с деньгами, но Лобачев ругался:

— Жмот, «барыга», дал всего три косых.

На воровском жаргоне это означало, что зажимистый скупщик краденного дал всего три тысячи. Журкин уже знал много слов этого жаргона, без которого, как уверял его Лобачев, вору делать нечего.

Трех тысяч хватило на неделю легкой жизни.

Когда в пьяном угаре расплакавшийся Журкин сказал, что заработай он такие деньги, — они с матерью хорошо бы прожили три месяца, Лобачев выругался и грубо сказал:

— Забудь мать. Мать вора — воля.

Запутавшийся в сетях рецидивиста, слабовольный Журкин не нашел в себе силы порвать с ним и падал все ниже и ниже. Он действительно стал забывать мать, которая не могла уже с ним сладить и лишь смотрела с горестным укором, как он, возвращаясь ночью пьяным, шумно валился в грязной одежде на постель.

А преступления продолжались...

В конце марта, ненастной ночью, они остановили на безлюдном Измайловском валу торопливо шедшую женщину. Лобачев пригрозил ей откуда-то появившейся у него финкой, а Журкин, обшарив сумку, вытащил оттуда все деньги. Потом уже была квартира Глебовой...

Вещи с этой квартиры они тоже понесли знакомому Лобачева, но того не оказалось дома. Пришлось вещи спрятать в глухом месте Измайловского парка. Там же с вещами спрятали три тысячи рублей, а тысячу они успели прогулять.

В тот же день, по окончании допроса, Журкин, с которым Колосов выехал в Измайловский парк, показал, где хранятся спрятанные вещи. А уже вечером Глебова расписывалась в их получении.

— Спасибо вам, товарищ Колосов, большое спасибо! — волнуясь говорила она. — Нет ли у вас книги, куда можно записать благодарность?

Проверя показания Журкина, Колосов убедился что они полностью соответствуют действительности. Удалось арестовать и старого знакомого Лобачева, оказавшегося матерым скупщиком краденного. Обнаружение у него при обыске многих краденых вещей позволило раскрыть несколько краж, к которым Лобачев и Журкин не имели никакого отношения. Кто знает, сколько бы пылились на полках дела о нераскрытых кражах, если бы не правдивые показания Журкина!

А показания его были правдивы до мелочей. Более того, казалось, он не менее следователя заинтересован в возможно более полном установлении истины.

Наиболее ярко это проявилось при расследовании случая ограбления гражданки Н. на Измайловском валу.

Вначале у Колосова были некоторые сомнения, что Н. ограблена Лобачевым и Журкиным. Дело в том, что Журкин, рассказывая об обстоятельствах этого преступления, сообщил, что у неизвестной они отобрали 960 рублей, а Н. в своем заявлении указывала, что грабители взяли у нее 160 рублей.

Такая ситуация противоречила здравому смыслу, и Колосов было уже решил, что Лобачев и Журкин ограбили не Н., а какую-то другую женщину, которая не заявила об этом. Однако оказалось не так.

— Можете ли вы узнать грабителей? — спросил Колосов у Н.

— Нет. Было очень темно. И к тому же я испугалась и смотрела не на их лица, а на нож, который был в руках одного из них. Если бы видели, товарищ следователь, как зловеще он поблескивал в темноте!

Казалось, больше ничего нельзя было сделать для расследования этого случая. Но оставался один шанс, и Колосов решил его использовать.

— Скажите, Журкин, — спросил он на допросе, — можете ли вы узнать женщину, у которой вместе с Лобачевым отобрали из сумки деньги?

— Да, смогу, — ответил Журкин, — я ее хорошо запомнил.

Действительно, когда Журкину предъявили несколько женщин, он, кивнув головой на Н., тихо сказал:

— У нее мы взяли деньги.

— А сколько денег вы взяли? — спросил Колосов.

— Девятьсот шестьдесят.

— Сколько денег у вас было в сумке? — спросил Колосов у Н.

— Сто шестьдесят, — ответила она.

«Какая-то чертовщина, — подумал Колосов, — первый раз такое случается. А проведу-ка я между ними очную ставку».

Это была редкая очная ставка. Обвиняемый утверждал, что отобрал у потерпевшей сумму, в шесть раз превышающую ту, которую называла она.

Сначала Журкин давал показания на очной ставке спокойно. Потом, видимо, испугавшись, что следователь может не поверить его искренности, начал горячиться.

— Вы, гражданочка, наверное, забыли. У вас деньги лежали в двух местах. В одном, правда, было сто шестьдесят: это там, где лежала пудреница. Вы еще просили не брать ее, говорили — подарок мужа. Большая такая белая пудреница, на ней еще женская голова выдавлена. А восемьсот, восемь сотен, лежали в книге. Я и название ее запомнил, «Широкое течение». Хотел взять почитать, да вы сказали: библиотечная. Ведь так было? Зачем вы следователя обманываете?

Н. молчала, потом вдруг расплакалась и попросила увести Журкина.

— Что случилось? — спросил Колосов, когда Журкина увели. — Почему вы плачете?

— Я обманывала вас, — продолжая всхлипывать, сказала Н. — И не только вас. Я и мужа своего обманывала... Дело в том, что муж ничего не знал об этих восьмистах рублях. Мне их дал один знакомый, добавил на пальто. Если муж узнает...

Но что произойдет в этом случае, Колосов так и не услышал. Н. опять заплакала.

* * *

— Ну, что мне сказать? Молодец! пожал Колосову руку прокурор и, улыбнувшись, добавил. — А вашу просьбу в отношении Журкина обязательно учтем. Да... благодаря его чистосердечным показаниям немало преступлений раскрыто и не одной Глебовой возвращены украденные вещи. Он заслуживает снисхождения.

С этим согласился и народный суд.

БРИЛЛИАНТОВЫЕ СЕРЬГИ

Хитроумные проделки жуликов из артели «Прогресс» уже не занимали Колосова. Следствие подходило к концу. Достаточно ясно было и Колосову, и обвиняемым, что преступление раскрыто и доказано.

«Прогрессмены», как метко назвал своих соучастников их глава, начальник цеха Рузак, долго и успешно выпускали без учета трикотажные изделия и сбывали их через несколько крошечных промтоварных палаток, разбросанных на московских рынках. Такого рода дела, которые на жаргоне именовались делами о выпуске левой продукции, Колосову приходилось вести. И, как их доводить до конца, он знал.

Сейчас Колосова волновало другое. Где ценности, нажитые дельцами и комбинаторами? Правда, немало уже было изъято, но Колосов был уверен, что еще больше осталось.

Не сомневался в этом и прокурор города. Он уже неоднократно спрашивал, полностью ли возмещен ущерб, и если нет, то почему.

Многие из дельцов сознались. Да им и невозможно было устоять под натиском бесспорно доказанных подлогов, заключений экспертов, изобличающих показания рабочих артели. Но признания не были чистосердечными. Жулики тщательно утаивали то, что они нажили, бессовестно обворовывая государство. Смешно было слушать, как некоторые из них лгали о своих ресторанных похождениях, будто бы поглощавших сотни тысяч, а другие плаксиво лепетали о баснословных проигрышах в карты и другие азартные игры.

Особенно «отличился» один из обвиняемых, заявивший, что он проиграл 50 000 на тотализаторе.

— Можете ли вы нарисовать мне, как выглядел этот тотализатор? — скрывая улыбку, спросил Колосов.

— Могу, — не задумываясь, ответил тот и нарисовал на протоколе допроса подобие рулетки.

Что же касается ресторанных кутежей, то Колосов достоверно знал, что лишь один кладовщик Печкин швырял деньгами в пьяном угаре.

Вспомнив Печкина, Колосов поморщился. С ним был связан один из казусов, о котором он не мог вспомнить без стыда: так смешно он тогда выглядел.

Закончив в квартире Печкина обыск, Колосов еще раз пересматривал отложенные для изъятия различные вещи и переписку. И тут его внимание привлекла фотография человека с надутой физиономией, во франтоватом пиджаке и с кокетливым бантиком на белоснежной манишке. От всего облика этого субъекта веяло чем-то не нашим, не советским.

Перевернув фотоснимок, Колосов слегка вздрогнул. Слишком красноречива была надпись: «Другу Печкину от того, кто на той стороне».

Колосову сразу представилась преступная связь Печкина с кем-то «на той стороне», темные операции контрабандистов, спекуляция валютой и многое другое.

Стараясь сохранить спокойствие, Колосов показал Печкину на снимок и спросил:

— А это кто?

— Дружок мой... Васька, — невозмутимо ответил Печкин, — официантом в «Каме» работает.

— Неправду говорите, — возразил Колосов. — Взгляните, тут черным по белому написано: «От того, кто на той стороне».

— Ну, конечно, написано, — непонимающе сказал Печкин. — А что тут такого? Здесь написано, а на той стороне Васькин портрет, карточка от него же, от Васьки.

Смущен был Колосов до крайности. Его долго мучила мысль, поняли ли понятые, в каком глупом положении он оказался. Неприятное впечатление от этого эпизода сглаживалось только тем, что у Печкина была изъята единственная в своем роде коллекция. Она состояла по меньшей мере из сотни ресторанных меню. На каждом из них стояла дата и истраченная сумма.

Но не такими были другие обвиняемые. Они отличались от гуляки Печкина и большей осторожностью, и большей хитростью.

— Не успокоюсь, Алексей Николаевич, до тех пор, — докладывал Колосов в очередной раз прокурору, — пока все до последней копейки не будет возвращено государству.

И Колосов не успокаивался. Ему давно уже было ясно, что обыски не дали результатов только потому, что почти все обвиняемые хранили деньги и ценности на стороне. Но где именно? У кого?

В один из дней, когда Колосов настойчиво искал ответы на эти вопросы, к нему явилась жена обвиняемого Пруксанова.

— Отпустите моего мужа на поруки, — попросила она.

— Это невозможно, — ответил Колосов. — Он совершил тяжелое преступление.

— Ну, отпустите же, — не унималась Пруксанова. — Вы такой хороший...

Колосов неодобрительно посмотрел на посетительницу, которая явно кокетничала, и уже хотел было попросить ее выйти, как вдруг обратил внимание на одну деталь. В ушах Пруксановой поблескивали небольшими бриллиантами золотые серьги.

«Интересно, откуда они? — подумал Колосов. — При обыске этих серег не было ни в квартире, ни на ней».

План действий возник моментально.

— До свиданья, — попрощался Колосов. — Повторяю, что просьбу вашу исполнить невозможно. Замечу также, что ведет себя ваш муж не очень искренне. Немало задолжав государству, он прячет нечестно нажитое добро. Не исключено, что мы у вас еще раз произведем обыск.

— Спасибо, — невпопад ответила Пруксанова и, пятясь, вышла из кабинета.

Как только за ней закрылась дверь, Колосов позвонил в кабинет криминалистики.

На следующий день Пруксанова была вызвана в прокуратуру. Отметив про себя, что явилась она без серег, Колосов еле заметно улыбнулся: предупреждение об обыске возымело действие.

— Ирина Борисовна, — обратился он к Пруксановой, — в частичное погашение ущерба, причиненного вашим мужем, я мог бы принять имеющиеся у вас бриллиантовые серьги. Прошу вас их выдать.

— Но у меня нет и не было никаких бриллиантовых серег, — заметно волнуясь, ответила Пруксанова.

— Вы, наверное, не подумали, прежде чем ответить, — возразил Колосов. — Ведь только вчера вы приходили в этих серьгах.

— Серьги у меня были, но давно, и вчера ни в каких серьгах я к вам не приходила. Не берите меня на пушку и оставьте свои фокусы, — уже вызываясь заявила Пруксанова.

— Вы меня извините, Ирина Борисовна, не совсем понимаю, что значит брать на пушку. Что же касается фокусов, то некоторое представление я о них имею.

Выдвинув средний ящик стола, Колосов вытащил фотоснимок и протянул его Пруксановой. Ирина Борисовна была запечатлена выходящей со двора прокуратуры. Ее украшали серьги.

Пруксанова оторопела и растерянно смотрела то на Колосова, то на снимок. Такого сюрприза она никак не ожидала. Деваться было некуда. Нужно было сказать, где находятся серьги. А это значило сказать, где хранятся все ценности, преступно нажитые ее мужем. Она проклинала себя за то, что хотела пококетничать со следователем и нацепила изящные серьги, за то, что напуганная предупреждением о предстоящем обыске,

вновь отнесла их из дома и так глупо попалась в ловушку.

— Пойдемте, — устало и безразлично сказала Пруксанова.

Через час хозяин небольшого одноэтажного дома в районе Черкизово по просьбе Ирины Борисовны выдал Колосову чемоданчик с деньгами и ценностями Пруксанова.

Сверх газеты, закрывавшей пачки денег, облигации внутреннего займа, золотые портсигары и разные безделушки, лежали злополучные серьги.

— Прошу заметить, что серьги лежали именно тут, — сказал Колосов понятным, — иначе Ирина Борисовна потом скажет, что ее взяли на пушку.

«Психология жулика такова, — рассудил Колосов, — узнав о потере всего нажитого, он не преминет помочь отобрать ценности и у других».

Так и оказалось.

— Я мелкая сошка, — ныл на допросе Пруксанов. — Вы бы китов, Александр Иванович, потрясли. Рузака, например. Он куда хитрее. Сам мне говорил когда-то, что ничего нет вернее, как хранить добро у таких людей, о которых и худого никто не подумает. Помню, сказал мне однажды, есть у него один такой знакомый, как выразился он, не от мира сего, честный и порядочный человек, инженером работает. Так он ему все ценности в портфеле принес и попросил: «Побереги, Петрович! В квартире у меня с соседями неважно, боюсь по злобе изорвут, а тут важные проекты по переоборудованию цеха, созданию поточных линий, внедрению автоматики». Слышите, Александр Иванович, автоматики! — и Пруксанов усмехнулся. — Ну, а тот Петрович уши развесил, портфель взял да еще похвалил Рузака: «Вижу, говорит, брат, что болеешь за дело, не зажилер на руководящей работе...».

Найти Петровича и изъять у него портфель Рузака представлялось Колосову не очень уж сложным делом.

И вот опять допрос Рузака.

— Прошу вас, Семен Семенович, перечислить мне всех своих родственников и знакомых без всякого исключения.

— Если не секрет, Александр Иванович, к чему вам это? Не собираетесь же вы их пугать связями со мной.

— Угадали, Семен Семенович, связями пугать не собираюсь. Просто я не верю, что у вас нет никаких ценностей, и попытаюсь их отыскать с помощью ваших знакомых.

Такая откровенность следователя явно обескуражила Рузак. Но тут же какая-то хитринка мелькнула в его узких припухших глазках, и он, пожав плечами, сказал:

— Пожалуйста, записывайте...

Расчет Колосова оказался верен. Кого только ни перечислил Рузак. Здесь были и профессора, которые когда-то консультировали его по поводу болезни желудка, и артисты — случайные знакомые по курорту, и ответственные работники министерства. Не оказалось в длинном списке лишь инженера с отчеством Петрович.

Довольный результатами допроса, Колосов попрощался с Рузаком. «Хитер, — подумал он, — но не очень. Теперь уже бесспорно — ценности у этого Петровича».

Жена Рузак, полная, рыхлая женщина, поминутно притворно хватаяшая за сердце, тоже перечислила на допросе немало знакомых: и своих, и мужа. Но опять Петрович упомянут не был.

И лишь их пятнадцатилетний сын Толя назвал в числе знакомых семьи инженера Александра Петровича.

— Дядя Саша у нас редко бывает, — сказал Толя. — Много работает и ему некогда. Но когда к нам приходит, то всегда дарит мне книги. Последний раз, это с полгода назад было, подарил мне «Береги честь смолоду». Хорошая такая книга.

— А где живет дядя Саша? — спросил Колосов.

— Я никогда у него не был и не знаю. Но где-то далеко от нас.

— Толя, а книжка цела у тебя?

— Конечно, — ответил мальчик.

По просьбе Колосова Толя в этот же день привез книгу. Крупным почерком на титульном листе было выведено: «Дорогому Толе от дяди Саши. Береги честь смолоду».

...И снова допрос Рузак. На этот раз он был значительно короче.

— Семен Семенович, — начал Колосов. — Уже много раз мы с вами беседуем, но никак не можем договориться. Честности вам не хватает... Да и откуда ей взяться. Честь-то нужно беречь смолоду. Вот, кстати, по этому вопросу и книжка хорошая есть, — покопавшись для виду в столе, Колосов вытащил книгу, которую одолжил у Толи.

Увидев книгу, Рузак изменился в лице. Подавив в себе волнение, он открыл обложку. Заговорил он минуты через две чужим хриплым голосом.

— Зачем? Зачем вы устроили этот спектакль? Вам мало было посадить меня в тюрьму, мало было описать мое имущество... всего вам этого мало. Теперь у вас и все то, что я копил многие годы... Чего?... Чего же вам нужно еще? Запутать в наше дело ни в чем не повинного человека. Но он же думал, что в портфеле...

— Успокойтесь, Семен Семенович, — я знаю, что он думал. Мне нужно, чтобы вы написали письмо Александру Петровичу с просьбой вручить мне все ваши проекты по переоборудованию цеха, введению поточных линий и автоматике.

Рузак тупо посмотрел на Колосова.

— Как? Он... Они еще не у вас?

И тут он понял, что сам отрезал себе путь к отступлению.

Александр Петрович, сразу же отдавший портфель Рузак, с удивлением смотрел, как Колосов извлекал из него пачки денег, сберегательные книжки на предъявителя.

У него поминутно раскрывался и закрывался рот, будто он хотел что-то сказать, но не находил слов.

Колосов с невольной улыбкой посмотрел на ошеломленного инженера и мягко сказал:

— Не удивляйтесь, Александр Петрович! Рузак не только нас, но и вас, своего товарища, обманывал. Может, и не случилось бы этого — подари вы ему вовремя такую примерно книжку, как «Береги честь смолоду».

А еще через несколько дней после очной ставки с Рузаком выдали ценности и некоторые другие обвиняемые.

— Можно ставить точку, — докладывал Колосов прокурору города. — Ущерб по делу артели «Прогресс» возмещен.

— Отлично, Александр Иванович! Я не сомневался, что так и будет, но... но все-таки я бы пока поставил запятую. Нужно, — продолжал прокурор несколько удивленному Колосову, — рассказать рабочим артели все об этих хапугах, о том, какие ценности они нажили грязными делами, и о том, наконец, чем все это кончилось. Думаю, что точку после этого они поручат поставить общественному обвинителю.

ПИСЬМО ТАТЬЯНЫ БОРТКЕВИЧ

Директор фабрики второй раз перечитывал письмо. Было оно от Тани Борткевич, кассира, которая два дня назад исчезла с зарплатой для рабочих. На грязном листке бумаги карандашом было нацарапано:

«Дорогой товарищ директор! Дорогие товарищи! Когда вы получите письмо, меня уже в живых не будет. Вы, наверное, плохо обо мне подумали, что я соблазнилась на деньги. Товарищ директор! Со мной случилось большое несчастье. Днем я получила деньги в банке и пошла на фабрику коротким путем, проходными дворами. У самой Садовой, в подворотне, меня остановили два парня и ударили чем-то тяжелым по голове. Очнулась я уже вечером в какой-то котельной. Голова в крови, портфель с зарплатой исчез. Я не перенесу, что из-за меня люди останутся без денег, поэтому решила покончить с жизнью. Ищите меня в Москве-реке».

— Подумаешь о человеке плохо, а с ним, быть может, что-нибудь серьезное, трагическое случилось, — оторвавшись, наконец, от письма, вслух рассудил директор.

Через час письмо Борткевич лежало перед Колосовым. Прокурор города поручил ему расследовать дело об исчезновении кассира.

Колосов весь день безрезультатно потратил на поиски Борткевич. И не он один. Ему помогали несколько опытных работников милиции. Однако никто не мог сказать, куда делась Таня. Мать Татьяны, когда ее спросили, где дочь, только заплакала горькими старческими слезами.

— Видать, не дано мне нянчить внуков, — отвечала она. — Нет у меня дочки...

Ничего больше от нее не добились.

Колосов особенно внимательно читал письмо, пытаясь отыскать в его словах какой-то тайный смысл. Но это не так-то легко было сделать. То ему представлялось, что Борткевич смеется над теми, кто верит хоть слову ее послания, то вставала картина распухшего в воде трупа молодой женщины, прибитого к берегу тихой волной Москвы-реки.

«Ну что ж, разное бывает», — как и директор фабрики, подумал Колосов и вновь взялся за письмо. На этот раз, вооружившись лупой, он читал и рассматривал письмо вместе с конвертом особенно придирчиво. Заглянув в справочник «Москва», Колосов зачем-то подошел к большой карте Москвы и отметил ногтем какое-то место на севере города, в Сокольниках.

Раздался телефонный звонок. Колосов снял трубку. Звонил капитан милиции Сергеев, которому была поручена работа по розыску Борткевич.

— Товарищ Колосов, — спокойно гудела телефонная трубка, — кое-что есть. Оказывается вчера у гипсового завода в Дорогомилове, на берегу Москвы-реки, ребята нашли потрепанное женское пальто. В кармане был обнаружен пропуск Борткевич Татьяны Николаевны на трикотажную фабрику, а также записка: «Мама, прости». Интересно, говорите. Я тоже так думаю. Запросил все отделения милиции по течению реки. В месте, где нашли пальто, провели тщательный осмотр, но ничего не нашли.

Колосов сказал Сергееву про письмо Борткевич и попросил доставить к нему пальто и записку. Повесив трубку, он еще раз подошел к карте Москвы. У гипсового завода появилась вторая отметка.

— Да-а. Ну, и дело, — углубился в раздумье Колосов, — а все-таки странно: собиралась топиться и вдруг...

Ход мыслей Колосова прервал приехавший Сергеев.

— Чего вы задумались, Александр Иванович? Небось, над этим хитрым дельцем голову ломаете.

— В точку попали, Петр Федорович. Над ним. Давайте посмотрим, что за пальто у нашей утопленницы.

Колосов вертел пальто со всех сторон. Но того, что он искал, не нашел. Пальто было хотя и не новое, но чистое: ни пятен крови, которая неизбежно попала бы на него с разбитой головы, ни частиц угля, которых полно в любой котельной.

Потом Колосов осмотрел записку и удовлетворенно хмыкнул.

— Теперь, — сказал он, — картина, кажется, проясняется. Я думаю, что Борткевич нужно прежде всего искать среди живых.

— Но почему, Александр Иванович, вы эту версию считаете наиболее вероятной?

— Попробую объяснить. Ни письмо, ни пальто с запиской на берегу Москвы-реки меня в смерти Борткевич не убеждают. И вот почему. Начну с письма. Взгляните на конверт. Это штемпель Сокольнического узла связи. Значит, письмо было опущено в районе Сокольников. Но там Борткевич не живет и не работает. Москва-река там также не протекает. Далее. По штемпелю на конверте видно, что письмо попало на почту в 18 часов. А ведь если верить Борткевич, то она только вечером очнулась в какой-то котельной у Садовой.

— Да, — сказал Сергеев, — концы с концами что-то не сходятся.

— Вот именно. Но это еще не все. Письмо написано, как видите, простым карандашом. Карандаш был сильно затупившийся, — взгляните, какие он выводил буквы. А вот последние слова написаны уже остро отточенным карандашом. Стоило ли перед смертью зачинивать карандаш? Дальше. Когда она писала письмо, то, вероятно, красила губы. Вот, пожалуйста, след кончика пальца,

который был испачкан помадой. Красить себе губы, готовясь топиться, — дело сомнительное. Не так ли?

— Пожалуй, что так, — усмехнулся Сергеев.

— Посмотрим теперь на записку, найденную в пальто. Она тоже написана простым карандашом. Но обратите внимание — карандашом, у которого грифель затупился. Выходит, что предсмертные слова самоубийцы «Мама, прости» были написаны до того, как покаянное письмо на фабрику. А это значит, что Борткевич не бросилась в воду у гипсового завода, а отправилась оттуда в район Сокольников, где и отправила свое письмо. Кажется ли вам теперь эта версия более вероятной?

Сергеев согласился с доводами Колосова и спросил лишь, почему тот убежден, что у Борткевич был один карандаш и что именно его она заточила.

— Возможно, Борткевич имела два карандаша, — возразил он. — Тогда и роль записки в пальто может оказаться другой.

— Мой вывод, конечно, предварительный, — ответил Колосов. — Если потребуется, можно будет исследовать карандашные штрихи с помощью экспертов. Но, откровенно говоря, думаю, что этого не понадобится. Возьмите лупу и посмотрите на это место письма. Теперь поняли в чем дело? Она чинила карандаш, упирая грифель в бумагу. Отсюда и эти точки. Давайте подумаем теперь, где мы будем искать живую Борткевич. Конечно, ваше решение, продолжать одновременно поиски трупа, мы изменять пока не будем.

Вскоре план розысков был разработан. Распрошавшись с Сергеевым, Колосов попросил направить к нему ребят, нашедших пальто.

Кончился день поисков. Многое прояснилось, но многое еще оставалось непонятным.

«Интересно, какая связь может быть между Дорогомиловым и Сокольниками», — подумал Колосов, убирая бумаги в сейф.

Наутро около своего кабинета Колосов увидел вихрастого подростка. Он внимательно читал табличку «Старший следователь, советник юстиции Колосов».

— Ты, наверное, ко мне? — спросил Колосов. — Как тебя зовут?

— Толя... Рыжиков я.

— Ты один приехал сюда?

— Нет, с мамой, она велела мне ждать вас, а сама пошла в магазин. Скоро придет.

— А сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Ну, заходи и присаживайся, — ласково сказал Колосов, указав мальчику на кожаный диван. Затем Колосов повесил шляпу на вешалку и сам сел рядом с Толей.

— Это ведь ты, Толя, с товарищами на берегу Москвы-реки нашел пальто? Расскажи, пожалуйста.

— Позавчера это было. Рано утром мы с ребятами пошли купаться. Ребята сразу в воду, а я лег на песке погреться. Тут недалеко и увидел пальто, поднял, посмотрел. Вижу целое. Принес матери: вот, говорю, на берегу нашел, может, нам кому подойдет. А она на меня заругалась, за то что я чужое в дом принес. Неси, говорит, сейчас же дяде Косте — это наш участковый. Я ему и отнес. Дядя Костя сразу карманы вывернул, а оттуда выпал пропуск и какая-то записка. Прочитал он и говорит: «Ну и ну! Молодая, наверное, была», а потом мне спасибо сказал. Вот и все.

— Скажи, Толя, около пальто ничего не было?

— Нет. На чистом месте лежало. Да не аккуратно, а в распахку.

— А следов ног ты не заметил?

— Следов ног? Их не было. Совсем на том месте на берегу не было. Мы с ребятами там первыми наследили.

— А пляж широкий у вас?

— Нет. Как с обрывчика спустишься, шагов пятнадцать.

— Ну, спасибо, Толя. Ты нам сильно помог.

Колосов составил протокол и дал его Толе подписать. Внимательно прочитав аккуратные строчки протокола, Толя важно расписался. Он был очень доволен, что за два дня его два раза благодарили такие большие начальники, хотя и не знал, чем он им помог.

Вскоре Колосову принесли с фабрики личное дело Борткевич, которое он запросил накануне. В деле была анкета, автобиография, справка с прежнего места работы.

— А где же трудовая книжка? — спросил Колосов инспектора по кадрам после того, как внимательно прочитал все бумаги.

— Не сдавала она, — виновато ответила инспектор, — все говорила, что дома забывает.

— Забывает? А вы свои обязанности тоже забываете?

— О чем уж говорить. Виновата. Да теперь не все ли равно, раз человека в живых нет. Что теперь толку в ее книжке?

— Что толку, — сердито повторил Колосов, когда инспектор ушла. — Растяпа.

Еще раз заглянув в личное дело, Колосов набрал какой-то номер.

— Строительное управление? — спросил он. — Нет? Квартира? Простите, а телефон Е 4-59-19 ваш? Да? Все ясно.

На справке из личного дела Борткевич, в которой было указано, что она работала бухгалтером, стоял штамп какого-то неведомого строительного управления № 16. В штамп были вписаны от руки телефон этого управления и адрес: Рыбинская улица, дом 27.

Девушка из «Мосгорсправки» сообщила по телефону, что Строительное управление № 16 ликвидировано четыре года тому назад и что находилось оно на шоссе Энтузиастов.

«Справка фальшивая, — подумал Колосов, еще раз помянув недобрым словом инспектора по кадрам. — Может, и Рыбинской улицы в Москве нет?» Но улица такая была, и находилась она в районе Сокольников.

«Совпадение это или нет... — быстро заработала мысль Колосова. — Справку, очевидно, составила сама Борткевич: почерк ее. Но почему из тысяч московских улиц она вписала в штамп именно эту Рыбинскую улицу. Возможно, это первое, что пришло ей в голову. Но почему именно это, а не другое название пришло первым. Не потому ли, что Борткевич как-нибудь связана с этой улицей?»

— Проверить это надо, — подытожил Колосов вслух свои рассуждения. Вызвав машину, он отправился в Сокольники.

Машина остановилась у дома № 1 по Рыбинской улице. Колосов вышел и отправился к дому № 27. Но такого не оказалось. На Рыбинской улице было всего девятнадцать домов.

Колосов стал по очереди показывать фотографию Борткевич дежурившим дворникам, но те пожимали плечами и отрицательно отвечали на его вопросы. Однако последний из них высказал предположение, что, может быть, члены комиссии содействия знают такую гражданку, и направил Колосова в красный уголок, где как раз в это время проходил совет комиссии.

Когда Колосов вошел в большую квадратную комнату с высоким потолком, на него никто не обратил внимания. Присутствующие бурно обсуждали вопрос о подготовке домов к зиме. Пришлось набраться терпения и обождать.

Но зато потом...

— Товарищи, приступим ко второму вопросу. В комиссию содействия, а также в милицию, — председательствующий кивнул головой в сторону участкового уполномоченного, — от жильцов дома № 8 поступило заявление, в котором они просят принять меры в отношении гражданина Семенова А. Ф. и его сожительницы, фамилия которой нам, к сожалению, не известна. Семенов нигде не работает, пьянствует и устраивает в квартире скандалы. Немного скромней ведет себя и его сожительница. Вечерами к ним приходят гости и почти до утра не дают отдыхать соседям...

— Вы меня извините, товарищи, — воспользовался паузой Колосов, — что я без вашего ведома пришел сюда и, тем более, перебил председательствующего.

Только теперь присутствующие обратили на него внимание.

— Я следователь городской прокуратуры, и у меня есть также очень важный вопрос, который, возможно, имеет непосредственную связь с заявлением жильцов дома № 8. Из вас, наверное, кто-нибудь знает в лицо сожительницу Семенова. Может быть, ею является эта гражданка? — и Колосов показал членам комиссии фотографию Борткевич.

Ее узнали.

По просьбе Колосова розыскная группа во главе с Сергеевым устроила в доме засаду, и уже вечером Борткевич была задержана.

Как оказалось, она поселилась у своего давнего знакомого, который, обрадовавшись большому «придачному», согласился на ней жениться.

В кабинете Колосова «самоубийца», размазывая по лицу слезы, смешанные с краской для ресниц, долго и подробно рассказывала, как она задумала похитить крупную сумму денег и скрыть свое преступление.

— Это все я уже знаю, — заметил Колосов, когда Борткевич закончила свой рассказ. — Скажите мне только почему именно в Дорогомилово вы отвезли свое старое пальто?

Борткевич снова всхлипнула.

— Да там же, неподалеку, я купила в комиссионном новое, а старое отнесла на берег и положила на песке. Думала теперь обязательно поверят, что я утопилась.

— Точнее, не положила, а бросила с обрывчика, — заключил Колосов. — Впрочем, это не имеет никакого значения.

— И такие мелочи вы знаете? — изумленно вскрикнула Борткевич.

— Да и такие... Толя Рыжиков подсказал...

КАБАНИХА ИЗ ДУБРОВСКОГО ПОСЕЛКА

Рабочий день уже заканчивался, когда Колосова вызвал начальник отдела Петр Дмитриевич Холодов. В его кабинете сидела следователь одной из районных прокуратур Метелина и докладывала Холодову какое-то дело.

Увидев Колосова, Метелина нахмурилась и, недружелюбно посмотрев на него, замолчала.

— Продолжайте, Ольга Васильевна, Колосова вы можете не стесняться и незачем так сердито на него смотреть. Впрочем, пусть уж лучше Александр Иванович послушает все сначала.

— Петр Дмитриевич! — взволнованно заговорила Метелина. — Вы думаете я не догадываюсь, зачем Колосова вызвали? Дело отобрать хотите. Бойтесь — не справлюсь. Да?

— Мы слушаем вас, — коротко сказал Холодов.

— Это случилось позавчера в мое дежурство... Ночью многих жителей одного из домов Дубровского поселка поднял на ноги истошный женский крик о помощи. Когда полуодетые люди, вооружившись чем попало, выбежали во двор, то увидели лежавшей ничком на земле Варвару Заикину, жительницу этого же дома. Платье на ней было разорвано и в крови. «Помогите, — прохрипела Заикина, — ...бандиты...», — и умолкла. С первой же проезжавшей машиной ее отправили в больницу. Дверь в квартире Заикиной оказалась открытой настежь. На полу кухни лежала окровавленная невестка Заикиной — Вера. Кто-то догадался прощупать у нее пульс. Он бился. Через десять минут карета скорой помощи увезла и Веру, а спустя еще минут двадцать я с оперативной группой приехала на место происшествия.

Метелина на минуту замолкла, перевела взгляд с Холодова на Колосова и продолжала:

— Бандиты, видимо, здорово похозяйничали. В поисках ценностей они все перевернули вверх дном. Повсюду валялись вещи, которые налетчики не успели захватить. Мебель и полы в квартире были перепачканы кровью. Мы вызвали мужа Веры, Федора Заикина. Он работал на заводе в ночной смене. Просили сказать, что пропало, но он, как увидел кровь, словно язык потерял. Слова не мог из себя выдавить. Потом уже сказал: «Не знаю. Хозяйством мать занималась. Мои вещи вроде все целы...»

— Наутро в больнице допросила Варвару Заикину. Она рассказала, что часов около одиннадцати вечера к ним постучали. Ничего не подозревая, она открыла дверь. Тут же в квартиру ворвались двое в масках. У одного в руке был нож, а у другого наган. У нее потребовали деньги. Она сказала, что их нет. Тогда ее ударили в грудь ножом и она потеряла сознание. Когда очнулась, в квартире уже никого не было, а на кухне лежала якобы убитая Вера. Она не помнит, как выбралась на улицу и закричала... Сегодня мне врачи разрешили допросить Веру. Она, хотя и в тяжелом состоянии, но в сознании. На вопрос, какие приметы были у бандитов, других я не задавала, чтобы ее не утомлять, Вера вдруг заявила, что ее хотела убить свекровь. Подробности никаких. Шептала только: «Свекровь, свекровь...» Вот и все.

— Ну, а ваше мнение, Ольга Васильевна, — спросил Холодов. — Что же все-таки случилось в квартире Заикиных?

— Думаю, нужно искать бандитов, Петр Дмитриевич. С врачами я советовалась насчет показаний Веры. У Веры очень серьезно травмирована голова, сказали они и объяснили, что в таких случаях нередко происходят провалы памяти, амнезия что-ли, и потерпевший может наговорить, что угодно.

— Вам, Александр Иванович, происшествие ясно?

— Не совсем, Петр Дмитриевич. Ольга Васильевна недостаточно подробно, как мне кажется, обрисовала обстановку места происшествия. Потом она ничего не сказала, какие раны были у Варвары Заикиной.

— Я же говорила, — начала Метелина, не глядя в сторону Колосова, — что в квартире было много крови, вещи все были разбросаны, и, по-видимому, немало из них исчезло. А больше ничего интересного мы там не нашли. У Заикиной же на левой половине груди глубокая ножевая рана...

— Александр Иванович, я вас, собственно, вот зачем пригласил, — сказал Холодов. — Были у меня товарищи из института, где учится Вера. Институт взбудоражен, требуют принять все меры для того, чтобы поймать преступников. Ожидают показательного процесса... А после этого вызывал меня Алексей Николаевич. Он, оказывается, принял целую делегацию с завода, на котором работает Федор Заикин. Рабочие возмущены до предела. Разве, говорят они, мы можем спокойно работать в ночной смене, если на наши семьи нападают бандиты. В общем прокурор города приказал дело вести нам. Метелина еще молодой следователь. Подобное дело у нее впервые, и оно не совсем уж такое простое, как это кажется. Прошу вас, Александр Иванович, им заняться. А вас, товарищ Метелина, мы прикомандируем к Колосову для участия в расследовании. Не возражаете?

* * *

Допоздна задержались Колосов и Метелина, составляя план расследования. Зато уже утром они смогли начать его реализацию.

Поехали на повторный осмотр квартиры Заикиных. Ее уже привели в порядок: все было прибрано и

вымыто. Единственное, что привлекло внимание Колосова, — несколько буро-красных округлых пятен на нижних перекладинах обеденного стола и множество мазков такого же цвета на изнанке клеенки.

Колосову было ясно, что и на перекладки, и на клеенку кровь могла попасть лишь в случае, если бы под столом находился окровавленный человек.

Заканчивая составлять протокол, Колосов спросил у Федора Заикина.

— Разобрались ли вы, что исчезло из квартиры?

— Признаться, так и не знаю. Впрочем, одна большая ценность, кажется, пропала, — невесело сказал Заикин, — пестика нашего никак не найду.

— Какого пестика? — насторожился Колосов.

— Да которым мы сахар, сухари толчем. Собрался сахарной пудры натолочь Вере, любит она с дыней, так и не нашел. Завалился, небось, куда-нибудь.

— А пестик этот приметный?

— Конец у него отломлен. Его и в утиль за пятак не возьмут.

Колосов задумчиво забарабанил пальцами по столу. Потом встал и посмотрел зачем-то в окно.

— Вот что, товарищи понятые, — сказал он, — продолжим наш осмотр.

Колосов спустился во двор и, наклонившись, начал внимательно осматривать небольшой палисадничек под окнами Заикиных. Вскоре он что-то заметил и поднял. В руках у него был пестик с обломанным концом.

— Ваш пестик? — спросил Колосов Заикина.

— Наш, — ответил тот, содрогнувшись при виде пучка светлорусых волос, прилипших к целому концу тяжелого пестика.

* * *

— Здорово у вас получилось, Александр Иванович, с пестиком.

— Не у «вас», а у нас, — мы ведь дело ведем вдвоем. — Я, Ольга Васильевна, с самого начала не очень-то поверил в провал памяти у Веры, в амнезию, а когда вы рассказали нам, со слов Варвары Заикиной, что, выбираясь из квартиры, она увидела «убитую Веру», мои подозрения усилились. Почему она сказала «уби-

тую». Ведь Вера была жива. Да только потому, что она была убеждена в смерти Веры, убеждена в том, что ее убила. Еще мне показалось странным, что крик она подняла лишь очутившись во дворе. В этом была нарочитость. Почему она не закричала сразу, как только пришла в себя?

— Александр Иванович! Но за что она ее? Мотивы нужны. Правда? А потом ведь Варвара Заикина тоже ранена и сильно. Может, этим пестиком бандиты орудовали, пока Варвара лежала в бесспамятстве?

— Может быть, может быть... — рассеянно ответил Колосов... Он что-то обдумывал. — Вот что, Ольга Васильевна, прошу вас подготовить постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, о которых мы говорили, а я съезжу к Варваре Заикиной. Возможно, она поможет ответить на ваш вопрос.

Колосов вернулся из больницы чем-то очень довольный.

— Наверное, Заикина созналась? — спросила Метелина. — Чему вы так улыбаетесь?

— Не созналась, но изобличила сама себя, как нельзя лучше. Представьте себе, она заявила, что пестик, который я ей предъявил, видит первый раз в жизни. Свой-то пестик. Каково? Это, по-моему, очень тяжелая улика. Или, Ольга Васильевна, у нее тоже амнезия?

Взглянув на надувшуюся Метелину, Колосов примирительно добавил:

— Не сердитесь, Ольга Васильевна. Я пошутил. Ну, давайте посмотрим, как у вас с постановлениями.

Сделав кое-какие поправки и добавив несколько вопросов, Колосов подписал постановления и позвонил в бюро судебно-медицинской экспертизы.

А уже через два дня Колосов получил заключения. Они так и просились в цепочку улик против Варвары Заикиной. Эксперты пришли, во-первых, к выводу, что повреждения головы Веры причинены вероятнее всего пестиком и волосы, прилипшие к нему, сходны с ее волосами, а во-вторых, что ножевая рана на груди у Заикиной нанесена ее собственной рукой. Давая такое довольно смелое заключение, эксперты обосновывали его очень убедительно. Они указали, что на груди, около ножевой раны (она, кстати, оказалась несерьезной), имеются крошечные колотые ранки. Многолетней

судебно-медицинской практике хорошо было известно происхождение такого рода точечных повреждений. Человек обычно сразу не решается нанести себе ранение и сперва, как бы примериваясь, ударяет себя слегка.

Экспертиза установила также, что кровь на пестике, клеенке и перекладинах стола совпадала по группе с кровью Веры, а кровь на одежде Заикиной была кровью не одного, а двух человек, одним из которых могла быть Вера.

Между тем Вере стало лучше, и Колосову разрешили ее допросить.

Вера рассказала, что тем памятным вечером, когда она осталась дома со свекровью, та вдруг ни с того ни с сего ударила ее сзади чем-то тяжелым по голове. В полуобморочном состоянии, скорее инстинктивно, чем сознательно, она спряталась под стол, но и там Заикина ее несколько раз ударила. Собрав последние силы, она вылезла из-под стола и даже попыталась вступить в борьбу, но тут же была оглушена еще одним ударом, сделала несколько шагов в сторону кухни и упала.

Вначале, как говорила Вера, свекровь относилась к ней очень хорошо, все говорила, что их ждет впереди счастливая и почему-то богатая жизнь. Но потом Варвара стала беспричинно упрекать и незаслуженно оскорблять свою невестку. Это повторялось все чаще и, наконец, привело к трагической развязке.

Вера не понимала, что могло так резко изменить к ней отношение свекрови.

От Заикиной (она уже была арестована и содержалась в тюремной больнице) узнать ничего не удалось.

— На нас напали бандиты, — утверждала она.

Ничего толком не мог сказать и Федор Заикин. Он был потрясен показаниями Веры.

— Ни мать, ни Вера никогда мне друг на друга не жаловались, — растерянно говорил он, — я ничего не могу понять.

А Колосову и Метелиной было очень важно выяснить мотивы покушения.

— Александр Иванович, — предложила Метелина. — Давайте вызывать и допрашивать подряд всех родственников и знакомых Заикиной. Ведь не может быть, чтобы никто из них ничего не знал.

— Не думаю, Ольга Васильевна, что мы бы поступили правильно. Нам должно быть дорого не только свое время, но и время многих людей, вызов которых может оказаться напрасным. Нужно сделать иначе...

* * *

У дверей домоуправления толпились жильцы. Внимание их привлекло необычное объявление. Оно не призывало соблюдать чистоту и вовремя платить за квартиру, сдавать пищевые отходы и не нарушать общественный порядок.

«Товарищи жильцы!— было выведено на нем четкими крупными буквами. — Недавно было совершено покушение на жизнь студентки Веры Заикиной. О том, что установило расследование, сегодня расскажет старший следователь тов. Колосов.

Вы все приглашаетесь на это сообщение...».

* * *

Обширный красный уголок задолго до начала сообщения Колосова был переполнен. Стулья, подоконники, проходы занимали не только жильцы дома, в котором живут Заикины, но и многие граждане из соседних домов. Слух о необычном сообщении дошел и до них.

Колосов немного волновался. Получится ли так, как он предполагал, или надежды его не оправдаются?

Но вот он встал и заговорил. Теперь даже самый внимательный слушатель не заметил бы волнения в голосе этого по виду очень строгого человека в форме работника прокуратуры.

Речь его была спокойна и проста.

В сути фактов все присутствующие разобрались очень скоро. То и дело тишина нарушалась возмущенными возгласами, а несколько женщин вытирали платками глаза. Между тем Колосов заканчивал.

— Товарищи, — сказал он, — я доложил вам дело от начала до конца. Судя по тому, как вы негодуете, вам, как и мне, ясно, что случилось в квартире Заикиных. Не остается, видимо, сомнений в том, что не бандиты, а сама Варвара Заикина расправилась с Верой. Но есть еще

в деле одно темное место, которое мы желали бы прояснить с вашей помощью. Нам непонятно, за что хотела Заикина убить свою невестку, почему она решилась на такое серьезное преступление. Хотелось, чтобы вы могли разобраться нам в этом. Каждого, кто знает что-нибудь интересующее нас по делу, прошу, не стесняясь, заходить ко мне...

Придя утром на работу, Колосов у двери своего кабинета увидел старушку.

— Здравствуй, касатик! — сказала она, поднимаясь ему навстречу. — Ты вчера нам про Варьку докладывал. И я пришла тебе кой-чего сказать. Варьку-то я еще девкой помню.

Старушка была первой, кто откликнулся на просьбу Колосова.

Вслед за ней пришли и другие. Они о многом рассказали Колосову и Метелиной. И тогда темное место в деле стало едва ли не самым ярким.

Варвара родилась в семье замоскворецкого купца Мальцева. В доме от утренних до вечерних самоваров разговор шел только об одном — о деньгах. Заговорили о чьих-то крестинах: в копеечку вошли крестины, чай тыщу выложили; о чьей-то свадьбе: приданого, сказывают, на двадцать тыщ с девкой дали; о похоронах: всем нищим, а их что тараканов было, по целковому подалн. И так без конца — деньги, деньги, деньги.

Едва научившись грамоте, Варвара считала не хуже мальцевского приказчика Сеньки, а тот знаменит был на быстрый счет.

Замуж Варвару выдали за купеческого сына Митю Заикина. Брак этот не был для Мити удачным. О Мите говорили, что он ни в мать, ни в отца... Равнодушный к деньгам и купеческим делам, он не терпел ни шума, ни скандалов. А дом Заикиных то и дело потрясали Варварины крики. Она кричала на прислугу, попрекала, что та много тратит, на приказчиков, что торгуют плохо, на мужа, что не похож он на других людей. Тогда-то и прозвали Заикину Кабанихой.

Октябрь 1917 года Варвара встретила без радости. Дом и магазины у нее реквизировали. Переселились

Заикины в небольшую квартиру в Дубровском поселке. Дмитрий, сразу же приняв как должное потерю всего своего добра, поступил бухгалтером на завод. А Варвара долго еще лютowała: не нравились ей порядки, установленные новой властью.

Но, когда был введен нэп, Варвара ожила. Она быстро наладила производство постного сахара и прочих сладостей. И опять, как когда-то, запершись ночью в комнате, пересчитывала при тусклом свете слабой лампы мятые рублевки. Вскоре родился сын Федор, а через год умер Дмитрий Заикин. После смерти мужа Заикина расширила свое «дело», на нее работал уже не один человек. Варвара решила, что вернулись старые времена и она может опять глумиться над людьми, кичась своим богатством. Но в это время началось широкое наступление на нэп. Имущество Заикиной за сокрытие доходов и неуплату налога было конфисковано, а производство сладостей прекращено.

Заикина притихла, но не надолго. Найдя лазейку для темных дел, она занялась спекуляцией мехами. Подпольная торговля расцветала. Опять деньги потекли в ее грязный карман. Неожиданно все оборвалось. Пришли два милиционера и произвели обыск. Преступные сбережения и меха у Заикиной отобрали, а приговор народного суда на три года прекратил ее бурную деятельность спекулянтки. Отбыв наказание, Варвара вернулась. Федю — ему уже исполнилось семь лет — забрала у дальних родственников. Взяла и не сказала даже «спасибо». В те годы Варвара вышла замуж второй раз. Муж пришел в дом не с пустыми руками. Целый день любопытные дворовые мальчишки помогали разгружать две грузовые машины и перетаскивать в квартиру Заикиных его вещи. О жизни Варвары с новым мужем говорили поначалу разное. Но однажды соседи услышали, как на лестничной площадке Варвара бранилась и кричала вдогонку куда-то спешившему мужу: «Не добытчик ты, не добытчик, а труха!» После этого жильцы укрепились во мнении, что жизнь у этого нового мужа будет такая же разнесчастная, как и у первого. Жильцы ошиблись. Жизнь его оказалась куда хуже.

В одну из декабрьских ночей 1937 года мужа Варвары увели из дома. За что забрали этого незаметного человека, толком никто не знал, Поджатые губы

Варвары и ее хитрые желтые глазки говорили, что она-то знает, в чем дело. Знает, но не скажет.

Варвара начала с выгодой продавать вещи мужа. Лишь через пару лет от брата арестованного, который тоже просидел около года, но был освобожден, стало известно, что мужа Варвары арестовали по доносу: будто он в прошлом служил в царской охранке. Уже позже выяснилось, что донос был ложным. Он умер, так и не вернувшись домой.

Для доносчика, Варвары Заикиной, дело обошлось благополучно. Ее не судили.

Не обращая никакого внимания на жильцов, отворачивавшихся при встрече с ней, Заикина продолжала распродажу вещей погубленного ею человека.

А время шло. Началась Великая Отечественная война. Заикина чему-то улыбалась. Но, когда гитлеровцев отогнали от Москвы, лицо Варвары помрачнело.

В 1944 году Федора Заикина — рабочего одного из Московских заводов — призвали в армию. Заикина осталась одна.

Незадолго до майского праздника Победы Федора с санитарным поездом привезли в Москву. Он долго лежал в госпитале с простреленными ногами. Заикина навещала сына, шепотком рассказывая, как умело нажила она в трудные годы много добра, как присмотрела Федору невесту с богатым приданым.

Федор слушал мать с закрытыми глазами. Было мучительно стыдно за мать, за ее слова, стыдно оттого, что их может услышать кто-нибудь из раненых. Он облегченно вздыхал, когда мать уходила, но долго еще после ее ухода боялся смотреть в глаза соседям по палате.

Однажды мать пришла в госпиталь не одна. Ее сопровождала молодая, но уже сильно располневшая женщина.

— Познакомься, Феденька, — сказала мать, — это Аленька.

Аленька сразу же не понравилась Федору. Ее нескладная фигура, припухшие глаза, намалеванные губы и низкий хриловатый голос были ему неприятны. Чувство неприязни стало еще большим, когда Федор узнал, что Аленька, окончившая медицинский институт, заведует пивным ларьком. Нет, не такой хотел Федор видеть свою невесту.

Вскоре он выписался из госпиталя и через месяц вернулся на свой завод.

Между тем Аленька зачастила в квартиру Заикиных. Вместе с нею почти всегда появлялись водка и пакеты с разной закуской.

Но все это не радовало Федора, а еще больше отталкивало от Аленьки. Он старался всячески избегать встреч с ней.

— Дурак! — кричала Заикина. — Счастье из рук выпускаешь, свое и мое счастье. Что за житье будет на твои гроши! А у Альки одних тыщ на книжке сорок. Проворонишь. Всякий за нее пойдет.

— Не шумите, мать, — урезонивал Заикину Федор. — Не нужна мне такая жена. И тысячи мне ее пивные тоже не нужны. Разберусь как-нибудь сам, на ком мне жениться.

Заикина надулась на Федора, однако не раз еще возвращалась к разговору об Аленьке. Но Федор ее не слушал.

Однажды летом Заикина премировали путевкой в дом отдыха. Там и познакомился он с молчаливой скромной девушкой Верой, которую полюбил так сильно, как можно любить в первый раз.

На следующий год, апрельским днем, Федор объявил матери, что собирается жениться, и познакомил ее со своей невестой.

Поначалу Вера не понравилась Заикиной.

— Что тебе далась эта студентка-вертихвостка! — бранила она Федора. — Разве идет она в какое сравнение с Алькой! Да и за душой нет у нее ни гроша. Как, чем жить-то будете?

Совершенно неожиданно, уже незадолго до скромной свадьбы, Заикина переменялась к Вере. Она стала в глаза и за глаза ее расхваливать. Говорила, что лучшего выбора сын сделать и не мог.

Федор радовался такой перемене. Ему казалось, что теперь все будет хорошо. Но вот и свадьба позади. Вера, перешедшая жить к Заикиным, стала замечать, что отношение к ней свекрови меняется. Начались мелкие придирки. Заикина все чаще неодобрительно поглядывала на Веру. Невестку свою она уже не расхваливала, а в беседе с жильцами говорила, что такая голодранка —

Федору не пара, и однажды бросила загадочную фразу: «Брехуны проклятые!..»

Услышав последнее от одной из соседок Заикиных, Колосов подумал: «Интересно, что же Варвара имела в виду? Что хотела она сказать?»

Но над этим долго не пришлось ломать голову.

Оказывается, накануне свадьбы Заикина тщательно выясняла, что из себя представляет Вера. При этом она интересовалась не ее личными качествами, а имущественным положением.

Словоохотливый, как и все старожилы, дед-дворник из дома Веры рассказал Заикиной, что отец девушки, Парамонов, был до революции владельцем кондитерской фабрики и многих пекарен.

— У них, должно быть, и сейчас денег полно, миллионы-то, небось, зарыли, не иначе, — доверительно говорил дворник Заикиной, раскуривая преподнесенную ею папиросу с мудреным названием «Герцеговина Флор».

Накрепко запомнила Заикина этот разговор. С тех пор и стала она ластиться к Вере, но продолжалось это недолго.

Сразу же после свадьбы завела Заикина разговор с матерью невестки о золоте и миллионах покойного Парамонова.

Здесь и ждал Заикину неожиданный удар.

— Да, — сказала Парамонова, — и золото было, и миллионы были. Были, да быльем поросли. Зимой в декабре семнадцатого Парамонов мой все свое богатство сдал государству и квитанцию получил. А потом еще письмо к нему пришло.

Порывшись в шкафу, Парамонова вытащила старую потертую во многих местах бумагу с красным оттиском огромной круглой печати и с гордостью протянула ее побледневшей Заикиной.

Та схватила бумагу и еле прочитала прыгающие в глазах строчки.

«Гражданину Парамонову Кузьме Платоновичу, добровольно сдавшему республике все свои деньги и ценности, рабоче-крестьянское правительство выражает благодарность».

Руки Заикиной мелко задрожали.

— Что же вы, что же вы раньше ничего не сказали? — только и смогла она прошипеть недоумевающей Пармоновой, засеменив к парадной двери.

Все надежды Варвары Заикиной на богатство рухнули. За это она стала мстить тихой и скромной девушке, за это покушалась на ее жизнь.

Так прояснились мотивы преступления Заикиной, так удалось до конца обнажить гнилую душу этой купчихи, мнившей, что еще не кончился век кабаних.

Прощаясь с возвращающейся в свой район Метелиной, начальник отдела Холодов спросил:

— Ну, как? Не обижаетесь больше на Колосова?

— Что вы, что вы, Петр Дмитриевич, — смущенно улыбнулась Метелина, — спасибо вам и Колосову за науку.

Посмотрев Холодову в глаза, Метелина добавила:

— Просьба у меня к вам, Петр Дмитриевич. Как что не так буду делать, путаться начну, одно слово мне скажите, только одно слово «амнезия», и я все пойму.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВАДИМА ДРОНОВА

Колосов внимательно посмотрел на посетительницу, вошедшую в кабинет.

— Простите, что я вас беспокою, — сказала она. — Но я хочу обратиться именно к вам, потому что недавно прочитала о вас в газете, как об очень хорошем следователе. У меня исчез единственный сын. Его убили, я это знаю... Но до сих пор, до сих пор не могут найти ни преступников, ни даже тела моего мальчика... — женщина зарыдала.

— Успокойтесь, — мягко сказал Колосов, наливая стакан воды. — Вот выпейте и скажите, как это случилось.

— О, если бы я знала! Если бы я только знала, как это случилось, — ответила неизвестная, дрожащими руками принимая стакан.

Она выпила воду, вытерла глаза и начала:

— Прежде всего извините, что не представилась. Зо-

вут меня Людмила Васильевна. Возможно, вы слышали мою фамилию. Я жена, простите, вдова профессора Дронова. Да, того самого Дронова Виктора Григорьевича, чьи работы в области физиологии наделали так много шума. У нас был... был, — с усилием повторила Дронова, — единственный сын. В нем и только в нем мы видели смысл жизни и делали все, чтобы нашему мальчику было хорошо. Он рос очень слабым и впечатлительным ребенком, и мы не отдали его в школу. По пятый класс Вадим учился с педагогами дома. Потом... — не окончив фразы, Дронова прервала свой рассказ и спросила:

— Может быть, я говорю не то, что надо? Ведь все это не имеет никакого отношения к убийству моего сына.

— Нет, отчего же, — ответил Колосов, — в этих делах нет таких мелочей, которые бы не имели никакого значения. Пожалуйста, продолжайте.

— Вадик пошел в школу. Он был очень способен. Учился неплохо. Иногда, правда, его расстраивали неумные придирки педагогов, и мне приходилось с ними объясняться. В классе у Вадика было много дурно воспитанных детей, но дружбы с ними он не вел, а поддерживал знакомство только с детьми культурных родителей... Закончив школу, Вадик хотел пойти в театральный институт, но там на экзаменах произошла какая-то история, и, в общем, он поступил в медицинский, где преподавал Виктор Григорьевич.

После смерти Виктора Григорьевича у нас пошло все кувырком. Стало не хватать на жизнь. Я была еще молодой, хотела одеваться, бывать в театрах. У Вадика тоже были развлечения. В общем, мы начали продавать вещи покойного мужа. Вы сами понимаете, что вечно это продолжаться не могло, и в прошлом году я вышла замуж за Владимира Петровича Викентьева — инженера. Еще мальчишкой он был влюблен в меня. Четыре года мы сидели за одной партой.

Сын сразу же невзлюбил Владимира Петровича. Он жаловался, что отчим — иначе его Вадим не называл — придирается к нему, отказывает в каких-то жалких копейках, требует, чтобы дома он выполнял черную работу.

Дронова глубоко вздохнула и продолжала:

— Сын стал чаще уходить из дома, был все время угрюм. Самым страшным был для меня день 13 октября.

Вадик ушел и не вернулся. И вот полгода, как его нет.

— Но почему вы так убеждены, что он убит? — спросил Колосов. — Не мог ли он оставить дом из-за неприязненных отношений с вашим мужем?

— Если бы он захотел оставить дом, то взял бы свои вещи, не забыл бы документов. Ведь паспорт его дома! Ну, куда он мог бы уехать без паспорта? Но не это главное. Накануне, это было 12 октября, к нему приходил какой-то пьяный субъект. Я не разглядела его лица: сын быстро увел незнакомца в свою комнату. Через минуту оттуда раздался хриплый голос. Этот тип громко угрожал сыну. Он не стеснялся в выражениях. Это был какой-то кошмар. После ухода пьяного сын очень был взбудоражен. Когда я хотела пройти к нему и узнать, в чем дело, он не стал ничего объяснять, а захлопнул передо мной дверь. Последнее, что я услышала от него: «Теперь мне не жить!»

Дронова опять расплакалась.

Как только она успокоилась, Колосов спросил:

— Что же было дальше?

— Как я уже сказала, тринадцатого сын исчез. На следующий день я еще на что-то надеялась: иногда он ночевал у товарищей. Но когда Вадик не вернулся, мне стало ясно: случилось что-то ужасное и непоправимое.

В милиции меня приняли очень тепло... Сказали, что сделают все возможное. Я много раз справлялась, как идут поиски, и мне неизменно отвечали, что они продолжают. Но тела моего мальчика до сих пор найти не могут. Я отчаялась. Прошу вас помочь мне. Очень прошу. Не отказывайте матери...

Наутро Колосову доставили из милиции пухлый том с надписью на синей обложке «Дело об исчезновении В. В. Дронова».

Розыск исчезнувшего проводился очень тщательно. Но ни одна строчка объемистого дела не отвечала на вопрос, что случилось с Дроновым. Ни в Москве, ни в области не было обнаружено ни одного трупа юноши, который остался бы неизвестным. Не было Дронова в больницах. Не значился он и в местах заключения — это тоже проверялось.

«А ведь этим делом стоит заняться», — решил Колосов.

Один за другим проходили перед Колосовым свидетели. Это были соученики Дронова по школе, его однокурсники, знакомые и родственники.

Постепенно вырисовывался образ Вадима Дронова. Нет! Это был совсем не тот образ, который нарисовала Колосову Людмила Васильевна.

Одним из первых Колосов пригласил Николая Григорьева. Он два года тому назад заканчивал с Дроновым десятый класс, был старостой, членом комитета комсомола.

— О жизни Вадима знаю очень и очень мало, — сказал Григорьев. — В классе он всегда держался особняком. В школе его ничего не интересовало. Он так и не стал комсомольцем. Не приняли мы его... Дружбу Вадим водил с какими-то стилигами. Однажды на праздничный вечер заявился с ними в школу. Все были подвыпивши, вели себя развязно, приставали к девушкам, а в буфете подняли чуть ли не драку. Это, пожалуй, была единственная попытка Дронова принять участие в общешкольном мероприятии. Учился Вадим весьма и весьма слабо, выезжая на репетиторах. Вы спрашиваете, с кем из класса он был дружен? Да ни с кем. Сошелся одно время с Лешей Гаранцевым — отличный был парень, после школы на целину уехал. Но дружба эта кончилась очень скоро. Что случилось, я так и не знаю, но они не помирились. Пробовал я узнать у Леши, в чем дело. Он отмолчался. Сказал мне только с неохотой: «Не по дороге нам с Вадимом. Таких бить надо».

— Скажите, — спросил Колосов, — неужели за все время вашей совместной учебы Дронов ни в чем не проявил себя с хорошей стороны? Не слишком ли в мрачных красках вы описали вашего одноклассника?

Григорьев после некоторого раздумья ответил:

— Был, пожалуй, один хороший поступок. Вадим умудрился вырвать из классного журнала несколько страниц, этого никто не заметил. Когда в школе поднялся необыкновенный тарарам и собрались этот случай

рассмотреть на педагогическом совете, Дронов пошел к директору и сознался... Пятно с класса было снято. Колосов улыбнулся.

— Ну, а кроме этого относительно хорошего поступка?

— Других не было, — твердо ответил Григорьев.

Остальные ребята, знавшие Дронова по школе, говорили примерно то же самое.

Но вот дает показания Алла Зеленина. Колосов вызвал ее не случайно. Говорили, что Алла может больше сказать о Вадиме. Она — дочь известного художника, единственная из класса бывала на квартире у Вадима, а, поступив в институт, продолжала с ним встречаться.

— Да, я встречалась с ним, — сказала Алла. Вначале Вадим мне очень нравился. Что именно в нем нравилось? Да, пожалуй, все: внешность, манеры, начитанность. Мы бывали с Вадимом в театрах, в Доме кино и в Доме актера. Танцевали на вечерах. Но постепенно я поняла, что, кроме смазливого лица, у него, пожалуй, ничего и нет. Представьте себе, он, который мог без конца перечислять будто бы прочитанные им книги, сказал однажды при мне, не помню уж точно, по какому поводу: «Если бы Каренина не была такой дурой, она никогда бы не повесилась». Миф о его начитанности развеялся моментально. Да и манеры оказались не такими уж блестящими. Помню, как-то раз я сказала Вадиму, что мне нравится Леша Гаранцев, с которым он сошелся. Леша — сирота, ютился у кого-то в углу, а учился хорошо, был спортсменом-разрядником. И совершенно неожиданно для меня Вадим облил Лешу грязью. Просто так. Без всяких доказательств и очень цинично. Мне было дико слушать это... Я поняла, что с Вадимом мне лучше не дружить, и прекратила с ним встречаться.

Были ли у Вадима враги? Не знаю, но друзей у него не было. Впрочем, если считать друзьями собутыльников, то такие друзья были...

Их оказалось даже больше, чем знала Алла. Основное ядро их составляли «дети культурных родителей», за дружбу с которыми так ратовала Дронова. А «дети» эти вели двойную жизнь. Нет. Они не были людьми без определенных занятий. Студенческие билеты и зачетные книжки создавали им твердое положение. Днем они,

может быть, отличались от других студентов лишь некоторым легкомыслием в одежде, пристрастием к бессмысленному жаргону и более частыми пропусками занятий. Иное было вечером. Вечером это была теплая компания, дергавшаяся в истерическом ритме на одной половине, стрелявшая пробками шампанского в своих захмелевших подруг, разглядывавшая полученные неведомыми путями парижские бульварные журнальчики. Это была вторая жизнь Дронова и его приятелей, и для нее Вадим распродал библиотеку умершего отца, выпрашивал деньги у отца, а однажды украл в институте и продал микроскоп. Об этой краже поспешили сообщить Колосову «друзья» Дронова. Этим они хотели подчеркнуть свою честность, принципиальность, непримиримость к подобным фактам. Они клеймили своего товарища, но утаили, что деньги, вырученные от продажи микроскопа, пропили вместе...

Листы дела быстро пополнялись. Но самое главное было неизвестным. Вадим Дронов оставался без вести пропавшим.

— Ничего, ничего определенного, Алексей Николаевич, — докладывал Колосов через две недели прокурору. — Все туманно и, как пишут в детективных романах, загадочно.

— А как с Гаранцевым? Установили, где он?

— Он по путевке райкома комсомола поехал в Кустанайскую область. Пробыл там полтора года, за хорошую работу был награжден медалью. Из Кустаная был, но, куда точно, неизвестно. В октябре прошлого года приезжал в Москву, но, где останавливался, узнать не удалось. Бабушка, у которой он жил в Москве, когда учился, умерла. Соседи ее сказали, что Леша заходил и говорил, что собирается на какую-то сибирскую стройку. Виделся ли он с Дроновым — неизвестно. Вот, пожалуй, и все. А Гаранцев нужен, очень нужен. Посещение Дронова каким-то неизвестным и исчезновение Дронова совпадают по времени с приездом Гаранцева в Москву. Чем черт не шутит... У Дронова ведь были какие-то счета с ним.

— Что думаете делать дальше? — спросил прокурор.

— Искать, — коротко ответил Колосов.

А еще через неделю Колосов на свой запрос, посланный, как он считал, «на всякий случай», получил ответ,

что Гаранцев Алексей Григорьевич находится в исправительно-трудовой колонии, куда он был заключен по приговору одного из московских народных судов за разбой.

В этом деле все было предельно ясно. Гаранцев ночью остановил в районе Якиманки двух женщин, втолкнул их в подворотню, мимо которой они проходили, снял с них часы и кольца. А через несколько минут его задержал постовой милиционер, обративший внимание на воровато оглядывавшегося молодого человека, слишком быстро шагавшего по набережной Москвы-реки. У Гаранцева отобрали разбойные трофеи, и уже через три недели суд вынес ему приговор.

Все это случилось в день, который Людмила Васильевна Дронова запомнила на всю жизнь, 13 октября, в день, когда исчез ее сын Вадим Дронов.

— Необыкновенно странное совпадение, — раздумывал Колосов, — посмотрим, как он будет вести себя на допросе.

— Это, действительно, очень интересно, — резюмировал прокурор доклад Колосова. — Немедленно поезжайте в колонию.

Под мерный стук колес поезда думалось легко. А думать Колосову было над чем. Что могло толкнуть на разбой Лешу Гаранцева — комсомольца, добровольно поехавшего на целину и заслужившего за отличную работу медаль? Причастен ли Гаранцев к убийству Дронова? Почему он говорил, что таких, как Дронов, надо бить? Не свел ли он с ним какие-то давние счета?

На все эти вопросы Колосов не мог найти ни одного удовлетворительного ответа.

Начальник колонии был очень удивлен, услышав, что Гаранцев подозревается в убийстве.

— Могу дать этому заключенному самую хорошую характеристику, — сказал он. — Ведет себя отлично, работает, как нельзя лучше. Ни в одном предосудительном поступке не замечен. В общем, товарищ следователь, — закончил начальник колонии разговор с Колосовым, — ничего, кроме хорошего, о Гаранцеве сказать не могу. Видимо, человек по-настоящему решил исправиться.

Любезно предоставив Колосову свой кабинет, начальник колонии приказал вызвать Гаранцева.

Минут пятнадцать спустя в кабинет вошел молодой человек в брезентовых брюках и телогрейке.

Испытующе посмотрев на Колосова, он спросил:

— Вы меня вызывали?

— Вызывал. Ведь Гаранцев Алексей вы?

— Я.

Лицо Гаранцева показалось Колосову знакомым.

«Где я мог его видеть?» — быстро перебирал он в памяти дела и события, задавая в то же время Гаранцеву ничего не значащие вопросы. — Где? Где?..»

И вдруг Колосов вспомнил и чему-то улыбнулся.

— А знаете ли, Гаранцев, зачем я вас вызвал?

— Даже не догадываюсь.

— Не догадываетесь? Тогда придется сказать. Мы ведь вас подозреваем в убийстве.

— В убийстве? Но я никого не убивал.

— Возможно, возможно. А у нас есть кое-какие данные, что вы причастны, я бы сказал даже весьма причастны, к делу о бесследном исчезновении Вадима Дронова. Вы ведь знали такого?

Гаранцев вздрогнул.

Колосов извлек из дела объемистый пакет и вытащил несколько фотографических снимков.

— Прошу ознакомиться вот с этими данными. Они, по-моему, достаточно убедительны. Вот взгляните — это еще совсем юный Дронов после окончания седьмого класса. Вот он, уже постарше: банкет по поводу окончания десятилетки. А это один из последних снимков, сделанный за месяц до исчезновения Вадима. Внимательно посмотрели? А сейчас я вам объясню, как все это увязывается с вашей причастностью к этому темному делу, — продолжал Колосов, вытаскивая что-то из своего чемодана. — Посмотрите на этот предмет. Нет, не с этой, с противоположной стороны. Да смотрите без опаски, ведь это обыкновенное зеркало из бритвенного прибора. Ну? Узнаете бесследно исчезнувшего? — и Колосов весело рассмеялся.

— Узнаю, — буркнул Дронов-Гаранцев. — Но не думайте, что это была какая-то афера. Я расскажу вам все подробно...

* * *

— Алексей Николаевич, телеграмма от Колосова, — доложила секретарь, передавая прокурору бланк.

Телеграмма была краткой: «Дело раскрыто тчк-Выезжаю тчк Прошу пригласить завтра двенадцать Дронову».

Алексей Николаевич вертел в руках телеграмму.

— Очень интересно... Раскрыто... Но как он умудрился?

На следующий день Колосов возвратился из командировки и, наскоро позавтракав, пришел на работу.

Не успел он снять плащ, как ему принесли пакет. Колосов разорвал его и прочитал следующее: «Гаранцев Леонид Григорьевич 1940 года рождения работает на Красноярской ГЭС, проживает по адресу...» В пакете также были различные документы и характеристика Гаранцева с места работы.

«Вот, объявился и настоящий Гаранцев», — подумал Колосов и пошел к прокурору.

— Быстро вы, однако, вернулись. Ну, как установили, кто убил Дронова?

— Установил, Алексей Николаевич. Подлинными убийцами, но, так сказать, в переносном смысле слова являются родители Дронова.

— Что вы такое говорите? Нельзя ли яснее?

Кто-то нетерпеливо постучал в дверь. Вошла Дронова.

— Меня приглашали зайти сюда. Неужели есть что-нибудь новое?

Колосов ответил:

— Есть новости, и их немало. Но, поскольку для вас важнее всего одна, прошу взглянуть сюда.

И Колосов протянул Дроновой небольшую фотокарточку.

Дронова вскрикнула:

— Он жив?! Ради бога, что с ним?

— С ним? Он осужден за разбой. Его арестовали 13 октября, в тот самый, памятный для вас день. Я вас прошу успокоиться, — добавил Колосов, когда Дронова закрыла лицо руками. — Идите домой, а завтра я вам все расскажу.

— Что вы собираетесь рассказать Дроновой? — спросил прокурор после того, как она вышла.

— Я скажу ей, Алексей Николаевич примерно следующее.

— Нет ничего, Людмила Васильевна, губительней для детей, чем слепая любовь родителей. Вы и ваш покойный муж сделали все для того, чтобы испортить сына. Вадиму все время внушали мысль, что он особенный мальчик, необыкновенного таланта и способностей. Любой его каприз вы исполняли моментально, не считаясь ни с затратами, ни, что самое главное, со здравым смыслом. Вы умилялись легкомысленному поведению Вадима, его жаргону, его успехам в ультратанцах, поощряли вечеринки с вином в обществе молодых людей и девушек. Что вы знали о его товарищах? Решительно ничего. Ваш муж, уважаемый всеми профессор, благодаря своему положению устроил Вадима в институт. Вадим привык к легкой жизни... Ваш новый муж делал попытки исправить Вадима, но вы ему мешали. Разве не вы ссужали сына деньгами, в которых ему справедливо отказывал отчим? Но и этих денег уже не хватало для широких развлечений. Вадим начал тайком продавать кое-какие вещи, а потом пошел дальше — украл институтский микроскоп.

Вы, Людмила Васильевна, не усмотрели, как Вадима втянули в компанию картежников, которой хороводил один уголовник, только что отбывший наказание. Он-то и приходил 12 октября к вашему сыну, требовал возвращения крупного проигрыша, угрожая Вадиму в случае неплаты расправой. И тут сын ваш пошел на разбой, но почти тотчас был задержан. По дороге в милицию ему представилась вся его недолгая жизнь, и он, наконец, понял, как она была никчемна и насколько страшно его падение. Понял он, к его счастью, что многое еще можно исправить. В милиции, а потом и в районной прокуратуре он сразу же признался в своем преступлении, но, воспользовавшись тем, что у него не было никаких документов, присвоил себе имя Алексея Гаранцева. А на вопрос, где его документы, ответил, что потерял их по дороге из Кустаная. За два дня до этого он встретил товарища по школе — Алексея Гаранцева. Тот был проездом в Москве и рассказал Дронову о своей жизни. Вадим воспользовался этим, поэтому его показания от имени Гаранцева выглядели очень правдоподобно, и им поверили.

Вас, Людмила Васильевна, спрошу я, наверное, интересует, почему Вадим назвал себя именно Гаранцевым,

которого вы, возможно, причисляли к дурно воспитанным детям и которого когда-то ваш сын поносил, не стесняясь в выражениях? Вадим и это объяснил, сказав, что Дронов-преступник должен бесследно исчезнуть, а из колонии выйти другой человек, такой же чистый и честный, каким жил и живет Алеша Гаранцев. И я верю, что это ему удастся...

— Вот, Алексей Николаевич, пожалуй, и все, что я скажу завтра Дроновой.

К сведению читателей

Упоминаемые в брошюре денежные суммы приведены в масштабе цен, действовавшем до 1 января 1961 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Черный день ростовщика Рябинушкина	5
Благодарность потерпевшей Глебовой	14
Бриллиантовые серьги	23
Письмо Татьяны Борткевич	31
Кабаниха из Дубровского поселка	39
Исчезновение Вадима Дронова	52

Кочаров Георгий Иванович
«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВАДИМА ДРОНОВА»

✱

Редактор *Н. А. Краснов*
Художник *Б. А. Дидоров*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *Н. Л. Щедрина*
Корректор *В. П. Лейбовская*

Сдано в набор 8/X 1960 г. Подписано к печати
22/I 1962 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ.
печ. л. 2,0; условн. печ. л. 3,28; учетно-изд. л. 3,03.
Тираж 50 000. А-00814. Цена 7 коп. Заказ № 1852.

Госюриздат — Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38—40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой
УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.